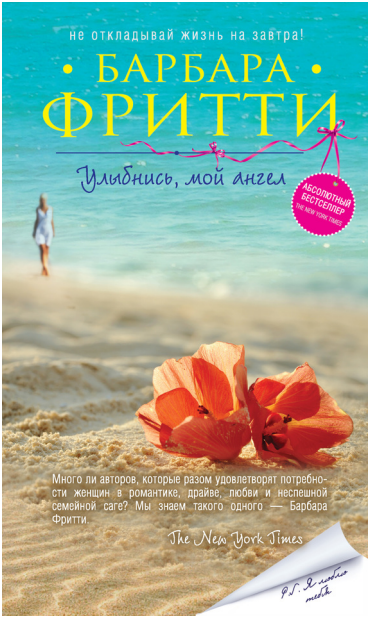




Барбара Фритти
Улыбнись, мой ангел
Серия «Бухта Ангелов», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11282020
Улыбнись, мой ангел: Издательство «Э»; М.; 2015
ISBN 978-5-699-82725-1

Аннотация

С тех пор как Дженна Дэвис поселилась в Бухте Ангелов, она впервые за долгое время почувствовала себя в безопасности. Все изменилось после случая с загадочной девушкой, которая едва не свела счеты с жизнью, прыгнув с пирса в беспокойное ночное море. Дженна спасла ее, но оказалась из-за этого в центре внимания. Теперь за ней следят журналисты, в том числе наблюдательный Рид Таннер, прознавший, что Дженна от кого-то скрывается. Она робеет при мысли о том, что репортер может проникнуть в ее тайну, и готова на любое безумие, лишь бы сбить Рида со следа.

Содержание

1	5
2	11
3	20
4	29
5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Барбара Фритти

Улыбнись, мой ангел

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

1

Шагая с рынка по темной, пустынной улице, протянувшейся в направлении порта, Дженна Дэвис чувствовала, как ее пробирает дрожь. Дувший с Тихого океана ветер нес с собой влажный туман, ледяным холодом обдававший ее лицо. Если бы не молоко, которое нужно было купить Лекси на завтрак, она ни за что не вытащила бы малышку из теплого и уютного дома на этот зверский вечерний холод. Но и оставить семилетнюю девочку дома одну она тоже не могла.

Хотя Бухта Ангелов благодаря уединенному расположению на скалистом побережье центральной Калифорнии в целом ей нравилась, бывали моменты, когда эта уединенность заставляла ее нервничать.

Издалека до нее долетали звуки музыки – в баре Мюррея, который так любили местные обитатели и туристы, веселье било ключом, а вот ее квартал, похоже, был пуст и безлюден.

Днем побережье кишело людьми и напоминало муравейник, теперь же покачивающиеся на волнах яхты казались ей зловещими призраками, заставляя поеживаться от страха.

Дженна попыталась совладать с разыгравшимся воображением, но ей мешал зловещий свет уличных фонарей и жутковатое ощущение того, что за ней в любую минуту кто-то может увязаться, а она этого даже не заметит.

И хотя, как ей казалось, она умела замечать следы, в глубине души Дженна отнюдь не чувствовала себя в безопасности. Порой у нее возникало подозрение, что ей вообще больше никогда не суждено изведать чувство абсолютной безопасности и спокойствия.

Тем не менее Бухта Ангелов уже успела стать для нее домом, и за два последних месяца они с Лекси начали понемногу привыкать к своему новому месту обитания. Денег от частных уроков игры на пианино им обеим вполне хватало на жизнь. Лекси закончила первый класс и на следующей неделе должна была отправиться в летнюю школу.

Кошмары продолжали преследовать ее, а вот приступов паники больше не было. Как не было и особых причин для волнения. Тем не менее, спеша к машине, Дженна крепко сжимала девочке руку.

Внезапно Лекси остановилась и указала в сторону пирса.

– Посмотри, там ангел!

Дженна тяжело вздохнула. Лекси была буквально одержима ангелами с самого первого дня, когда они переехали сюда. Здесь она впервые услышала легенду о знаменитом кораблекрушении, о людях, которые не смогли добраться до берега, и об ангелах, которые охраняют залив. В последнее время воображение Лекси подпитывалось появлением в Интернете видео с какими-то призраками, танцующими над водами залива, и таинственными символами, внезапно возникшими на скале.

Видео привлекло в городок изрядное число туристов как раз накануне открытия летнего праздника, назначенного на завтрашний вечер.

Дженна хотела было отчитать дочку за то, что та выдумывает всякую ерунду, как вдруг сама заметила темную фигуру на краю пирса. Это была женщина в развевающемся платье. Оседлав ограждение пирса, она любовалась волнами, и морской ветер разведал ее длинные светлые волосы.

Сердце Дженны было готово выпрыгнуть из груди. Волосы стоявшей на пирсе женщины были очень похожи на волосы Келли, но это была не Келли, а какая-то другая женщина, которой в данный момент угрожала реальная опасность.

Женщина перекинула вторую ногу через парапет и теперь стояла на узком карнизе. От холодной водной бездны ее отделял всего шаг. Ухватившись рукой за ограждение, женщина обратила голову к небу, словно в безмолвной молитве.

– Как ты думаешь, она сейчас улетит? – спросила Лекси. – Улетит на небеса?

– Нет. Это не ангел.

Дженна поспешно открыла дверцу автомобиля и поставила сумку с покупками на заднее сиденье.

Черт! Не хватало ей лишних проблем! Но вокруг никого не было, и, повернувшись в сторону пирса, Дженна увидела, что женщина вот-вот упадет в воду.

– Давай пойдем, здороваемся. Убедимся, что с ней все в порядке.

Дженна схватила Лекси за руку и быстрым шагом направилась к пирсу.

Из-за резкого ветра глаза Дженны слезились. Ее также одолевало желание повернуть назад к машине и уехать. Зачем связываться с чужими проблемами? Это небезопасно и чревато последствиями. И тем не менее назад она не повернула.

– Привет! – крикнула она, когда они подошли к концу пирса. – Что вы здесь делаете? Может, вам нужна помощь?

Женщина ничего ей не ответила и снова подняла лицо к небу. Она убрала руки с ограждения: сначала одну, потом другую. Затем вытянула их перед собой. Мгновение спустя она издала пронзительный вопль и прыгнула с пирса.

Дженна, не раздумывая, сбросила с себя пальто и туфли.

– Оставайся здесь, Лекси! Не шевелись. Ты меня поняла? И ни за что не подходи к ограждению!

– Что... что ты делаешь? Куда... куда ты идешь? – заикаясь, пробормотала девочка. В ее глазах застыл ужас. – Не бросай меня!

Она схватила Дженну за руку, маленькие пальцы дочери крепко вцепились в ладонь Дженны.

– Я сейчас вернусь, Лекси. Я должна спасти ее. Кроме нас, здесь никого нет.

Господи, ну, хоть кто-нибудь бы появился на берегу! Но даже истошный крик девочки никого не заставил выглянуть из располагавшихся неподалеку зданий или стоявших на причале яхт.

Дженна осторожно высвободила руку, вынула сотовый, набрала 9-1-1 и протянула телефон Лекси.

– Когда тебе ответят, попроси их немедленно приехать к пирсу и скажи, что женщина упала в воду. Поняла?

Лекси кивнула.

– И стой здесь! – повторила Дженна. – Не отходи отсюда ни на шаг!

Сердце Дженны бешено колотилось, когда она подошла к ограждению и перелезла через него. Когда же она глянула вниз, ее охватил ужас. До воды было примерно шесть метров, да и плавала Дженна не так уж хорошо.

Она слышала, как Лекси что-то кричит в телефон, но прекрасно понимала, что помощь подоспеет не сразу. Между тем незнакомка беспомощно барахталась в воде, и ее в любой момент могли накрыть темные волны.

Затаив дыхание, Дженна закрыла глаза и прыгнула.

Когда она достигла воды, ей показалось, что от ледяного холода у нее остановилось сердце. Намокшая одежда тянула ее вниз, на дно, и прошла целая вечность, прежде чем Дженне удалось вынырнуть на поверхность. Сделав несколько жадных глотков воздуха, она стала искать взглядом незнакомку. Было темно, и течение затягивало Дженну под пирс. Никаких признаков тонущей нигде не было видно. «Неужели я опоздала?» – подумала Дженна.

И тут она увидела пузыри на поверхности воды и руку. Затем из-под невысокой волны показалась голова. Дженна нырнула, схватила девушку за волосы и за руку. Та отчаянно отбивалась, но Дженна держала ее крепко, успешно сопротивляясь ее усилиям высвобод-

диться, пока они обе не вынырнули на поверхность. Девушка кашляла и часто моргала, глаза ее как будто остекленели.

– Все в порядке. Вы в порядке! – пыталась успокоить ее Дженна, но глаза девушки неожиданно закрылись, и она начала выскальзывать из рук своей спасительницы. Обхватив девушку за шею, Дженна поплыла к лестнице на краю пирса. Она двигалась против течения и уже успела изрядно устать и замерзнуть.

А что, если ей не удастся доплыть до пирса? Такой знакомый старый напев вновь зазвучал в ее сознании: «Ты ни за что не справишься. Тебе нужно было упорнее трудиться, больше работать над собой, а ты всю жизнь оставалась неудачницей, никчемным ничтожеством».

Дженна попыталась заглушить этот голос собственными мыслями. Она справится во что бы то ни стало. Она не позволит себе проиграть. Отдаленный звук сирены придал ей сил и уверенности. Дженна сделала рывок к пирсу. Она справится... К тому моменту, когда она достигла лестницы, по пирсу уже кто-то бежал. Дженна ухватила за нижнюю перекладину, когда над ней появился спасатель. Он спустился к Дженне и принял из ее объятий спасенную девушку. За ним подоспел следующий, который помог Дженне выбраться на берег. Помощь пришла вовремя, так как Дженну внезапно окончательно оставили последние силы. Руки болели от напряжения, и она едва могла стоять на ногах. Взобравшись наконец на пирс, Дженна тут же упала на колени, и к ней бросилась до смерти напуганная, рыдающая Лекси.

– Все в порядке, моя милая. Со мной все хорошо, – повторяла Дженна, прижимая к себе девочку. – Ты все правильно сделала. Я горжусь тобой.

Но Лекси продолжала плакать, обхватив ее ручонками за шею.

– Все в порядке, детка. Все в порядке, – продолжала повторять Дженна.

Наконец Лекси подняла голову, но слезы все еще текли у нее по щекам. Дженна корила себя за то, что так напугала девочку. Девочка очень тяжело переживала.

– Я боялась, что ты не вернешься, – всхлипывая, пробормотала Лекси.

– Я никогда тебя не брошу, Лекси. Никогда.

Страх понемногу рассеялся, и девчушка всматривалась в лицо матери уже без прежнего ужаса и недоверия. Наконец, как будто удовлетворившись заверениями Дженны, Лекси кивнула.

– Хорошо. – Она вытерла лицо рукавом свитера. – Но почему ангелы не умеют летать?

– Она не ангел, милая.

Дженна обернулась и взглянула на спасенную ею девушку, которая громко кашляла, выплевывая морскую воду. Дженна вздохнула с облегчением: все-таки жива. Девушка была намного моложе, чем она первоначально предположила, – наверное, лет шестнадцати или семнадцати, не больше. Мокрые пряди длинных светлых волос прилипли к щекам. Глаза были широко открыты и непонимающе смотрели на происходящее вокруг.

Поняла ли она, насколько близко подошла к роковой черте? Почему, черт возьми, ей так захотелось свести счеты с жизнью?

Почувствовав, что к ней приближается один из полицейских, Дженна подняла голову.

Это был Джо Сильвейра, начальник местной полиции. Дженна встречала его в городе. Сильвейре было под сорок, но на службу в местную полицию он поступил недавно, что не мешало ему снискать репутацию умного и проницательного правоохранителя. Кстати, именно поэтому Дженна побаивалась вступать в разговоры с ним. Она всегда стремилась ничем не выделяться, всегда хотела раствориться в толпе. До последних нескольких минут...

Нервы Дженны напряглись до предела.

– Накиньте вот это, – предложил ей полицейский и протянул теплое одеяло. – Вы, должно быть, замерзли.

– Спасибо.

Дженна встала и накинула на себя одеяло. Озноб сотрясал ее тело так, что у нее застучали зубы. Ей страшно хотелось домой, хотелось согреться и оказаться подальше от стражей порядка.

– Меня зовут Джо Сильвейра, – представился полицейский. – Кажется, мы до сих пор не встречались в официальной обстановке, но я несколько раз видел вас в кафе.

– Дженна Дэвис. А это моя дочь Лекси.

Полицейский улыбнулся Лекси и вновь перевел взгляд на Дженну.

– Мне, наверное, следует отвезти вас в клинику. Там проверят, не ушиблись ли вы.

В больнице придется заполнять разные бланки, отвечать на вопросы, подумала Дженна.

– Нет, не надо. Со мной все в порядке, – поспешно ответила она. – Только немного замерзла. Мне просто нужно принять горячую ванну.

– Вы уверены, что вам не нужен врач?

– Абсолютно.

– Хорошо. Я не хочу вас больше задерживать на холоде. Но не могли бы вы мне объяснить, что все-таки здесь произошло?

– Мы с Лекси выходили из супермаркета и вдруг заметили, что какая-то девушка перелезает через ограждение. Когда она прыгнула в воду, я прыгнула вслед за ней.

– Мужественный поступок с вашей стороны, – заметил полицейский. – Он впечатляет.

У Дженны не было ни малейшего желания произвести на него впечатление, ни хорошего, ни плохого. Ей хотелось только одного – чтобы он поскорее забыл о ней. Но, по-видимому, думать об этом было уже слишком поздно.

Пожав плечами, она сказала:

– Так поступил бы любой на моем месте.

– Позвольте мне усомниться в ваших словах. Вам знакома эта девушка?

– Я никогда ее раньше не видела.

– Я тоже, – мрачно добавил полицейский, бросив взгляд на спасенную, которую медики укладывали на носилки. – А я знаю практически всю молодежь в городе. Значит, вы говорите, она сама намеренно прыгнула в воду? Не упала? Не поскользнулась?

Дженна покачала головой.

– Она перелезла через ограждение и прыгнула. Надеюсь, с ней все будет в порядке.

– Я полагаю, что вы спасли ей жизнь. – Джо Сильвейра помолчал, пристально вглядываясь в лицо Дженны. – Она вам ничего не говорила, когда вы были в воде?

Дженна снова отрицательно покачала головой.

– Ничего. Ни слова. Мне можно идти?

Она вернула полицейскому одеяло и подняла с настила свое пальто и туфли.

– Да, конечно. Вы не будете против, если утром я задам вам еще несколько вопросов?

– Мне больше нечего вам сказать. Все произошло практически мгновенно.

Сильвейра кивнул.

– Ну, что ж, тогда мне остается пожелать вам всего хорошего.

– Спасибо.

Дженна быстрым шагом проследовала сквозь собравшуюся толпу. Несколько человек окликнули ее по имени, но она не остановилась. Едва она успела усадить Лекси в машину, как лицо ей осветила фотовспышка. Ослепленная ярким светом, она закрыла глаза рукой, но фотограф успел сделать еще один снимок. Дженна забросила пальто и туфли в автомобиль, затем повернулась к репортеру. От гнева и ненависти к нему у нее перехватило дыхание.

– Что, черт побери, вы делаете? Кто позволил вам меня фотографировать?

На мгновение Дженну охватил жуткий страх, что кому-то удалось ее выследить.

– Вы только что спасли жизнь девушке, – невозмутимо ответил репортер, опустив фотоаппарат. – Вы совершили подвиг.

Дженна нахмурилась. В темноте она могла разобрать только то, что перед ней стоит высокий широкоплечий мужчина с волнистыми каштановыми волосами в джинсах и черной куртке поверх майки такого же цвета.

– Кто вы такой? Вы ведь явно не из местной «Дейли ньюс»?

Фотографом в местной газете была шестидесятилетняя женщина по имени Глэдис.

– Меня зовут Рид Таннер, – представился мужчина. – И да, я не из «Дейли ньюс». Но я приехал сюда в поисках ангелов.

Дженна поняла: он здесь из-за того пресловутого видео, выложенного в Интернете.

– Здесь вы не найдете никаких ангелов.

– Жаль. И все же, как вас зовут?

– Это не имеет никакого значения.

Дженна выхватила у него фотоаппарат, нырнула в машину, захлопнула и заперла за собой дверцу.

– Эй, он мне нужен! – крикнул репортер и постучал в стекло.

Дженна не обратила на его крик ни малейшего внимания и попыталась разобраться в тонкостях управления сложной и, по всей видимости, довольно дорогой фототехникой.

– Что ты делаешь? Зачем ты забрала у него фотик? – спросила Лекси. – Он же машину из-за нее разобьет, – добавила она, едва не заикаясь от страха.

– Все в порядке, милая. Неприлично и недостойно снимать людей, когда они... когда они насквозь промокли.

Она стерла два последних снимка, после чего опустила стекло и вернула фотоаппарат владельцу.

– Вы сумасшедшая, – сказал он, изумленно покачав головой. – Я же все равно смогу вас снять. Хотя бы прямо сейчас.

– Ошибаетесь. Прямо сейчас у вас не получится. – Она включила зажигание и быстро отъехала от него.

В зеркало заднего вида она заметила, что он продолжает стоять, озадаченно глядя ей вслед. У нее почему-то неожиданно возникло ощущение, что она совершила какую-то жуткую ошибку, отвергла шанс, который ей предложила судьба. Но разве у нее есть выбор? Она же не может допустить, чтобы ее фотография появилась в газете. Ей оставалось только надеяться на то, что этот парень уедет туда, откуда приехал, и забудет о ее существовании. Если нет, то им, наверное, придется снова бежать и снова скрываться.

* * *

Рид смотрел вслед машине, и ему казалось, что он проснулся от долгого глубокого сна. Последние одиннадцать месяцев прошли для него однообразной и отупляющей чередой бессмысленных дней и недель, большая часть которых была заполнена попытками забыть о прошлом.

Он принял предложение «Спотлайт мэгэзин» просто для того, чтобы подзаработать немного денег и одновременно решить вопрос: стоит ли ему возвращаться к той работе, которой когда-то он отдавал всего себя без остатка.

Выпускник Северо-Западного университета, работавший в «Нью-Йорк таймс», он и представить себе не мог, что двенадцать лет спустя будет освещать не события мирового значения, а какую-то жалкую провинциальную сенсацию вроде появления ангелов на берегу залива. Было время, когда Рид был страстным искателем истины и справедливости, что в конечном итоге сделало его безрассудным. Ради важной информации он был готов на все,

что угодно. Дело закончилось тем, что самый близкий ему человек заплатил страшную цену за его честолюбие.

Глубокой ночью, когда воспоминания не давали ему покоя, перед мысленным взором Рида часто представляла сцена ее похорон – когда гроб опускали в могилу. Он слышал рыдания, раздававшиеся со всех сторон, и видел обращенные на него обвиняющие взгляды. Однако никто не вышел из толпы и не сказал: «Это ты во всем виноват». Впрочем, в этом и не было необходимости. В глубине души он прекрасно знал, что виноват действительно только он и что вряд ли когда-нибудь он сможет избавиться от мучительных воспоминаний и укоров совести. Большую часть прошедшего года он провел в безуспешных попытках добиться забвения с помощью алкоголя. Все его попытки были бессмысленны, так как всякий раз неизбежно наступал безжалостный момент жестокого отрезвления.

Отойдя от пирса, Рид направился в сторону ресторанчика Мюррея.

Он и раньше намеревался заглянуть в это заведение, но на полпути туда услышал завывания сирен и решил узнать, что произошло. От старых привычек трудно отделаться, а за каретами «Скорой помощи» он бегал с самого раннего детства.

В том районе, где он вырос, сирены полицейских машин были обычным делом. Рид до сих пор прекрасно помнил яркие полосы света глубокой ночью на стенах и потолке своей спальни и то, как он потихоньку подбирался к окну, чтобы понаблюдать за полицейскими, которые прибыли, чтобы в очередной раз арестовать кого-то у них во дворе.

Шумно выдохнув, он повторил про себя свою любимую мантру. *Не оглядывайся назад, не заглядывай слишком далеко вперед и вообще посылай все к черту.*

Ну и что из того, что он встретился с какой-то странной и немного загадочной женщиной? Он же приехал сюда не для того, чтобы расследовать неудавшиеся попытки самоубийства, и не для того, чтобы брать интервью у героических женщин-спасительниц. Его целью было разоблачить видеоролик из Интернета, который вызвал всеобщий интерес и вновь пробудил веру в реальное существование ангелов – веру, которой Рид решительно намеревался положить конец. Ангелы не более реальны, чем любой другой сказочный персонаж. И уж ни при каких обстоятельствах они не станут разгуливать по улицам приморского городка.

Или все-таки он ошибается? У него перед глазами снова всплыл образ насквозь промокшей брюнетки с настороженным и сердитым взглядом. Она, не задумываясь, прыгнула в темные и холодные морские волны, чтобы спасти жизнь совершенно незнакомой ей девушки. Кто же она такая?

Может быть, она и есть ангел.

Ангел, которому есть что скрывать.

Легкий холодок пробежал у него по спине – явный признак пробуждающегося любопытства. Но нельзя идти на поводу у своих эмоций, подумал Рид. Всю жизнь его интересовала исключительно истина, справедливость и борьба со злом в окружавшем его мире. Преследование этой загадочной женщины не входило в круг его интересов. И в его планы. По крайней мере, сегодня вечером...

2

Медицинский центр «Редвуд» располагался на окраине Бухты Ангелов, на высоком обрыве посреди рощи огромных секвой. Центр обслуживал пациентов лишь с самыми простыми заболеваниями. В более сложных или тяжелых случаях их направляли в больницу Св. Марии, находившуюся на расстоянии пятидесяти километров от «Редвуда».

Шарлотта Адамс, работавшая в «Редвуде» акушеркой, привыкла иметь дело со счастливыми роженицами или беременными. Девушка, накануне вечером совершившая попытку самоубийства, не принадлежала ни к одной из этих категорий.

Шарлотта вошла в палату, где та спала. Девушку после того, как ее доставили в больницу, уже успел осмотреть врач.

Попросив врача проверить, все ли в порядке с ее ребенком, она уснула глубоким сном и до сих пор не просыпалась.

Было уже девять часов утра. Пациентке провели пробу на наркотики, но ничего не обнаружили. Ее долгий сон мог объясняться только страшной усталостью и сильнейшим стрессом. Шарлотта взяла карточку девушки и просмотрела ее основные показатели, которые сестра сняла всего за несколько минут до этого. Все было в норме.

Девушка была бледная и ужасно худая, за исключением небольшого круглого животика. При этом она была обладательницей очень длинных светлых волос, спускавшихся почти до пояса. Шарлотта взяла ее руку и нащупала пульс. Он немного участился, и врач заметила легкое подрагивание века. Может быть, она только притворяется спящей? Должно быть, бедняжка напугана, растеряна и чувствует себя страшно одинокой.

Когда ее привезли в больницу, при ней не было никаких документов, и до сих пор никто не справлялся о ней. Бухта Ангелов сама по себе относительно небольшой населенный пункт, однако в окрестностях – в горах и вдоль нескольких сельских дорог – людей живет довольно много. Возможно, в семье ее отсутствие пока не вызвало беспокойства.

Но не исключено, что ее просто выгнали из дома. Возможно, именно поэтому она и попыталась покончить с собой. Шарлотта почувствовала, как все внутри у нее сжалось. С первого мгновения, когда она увидела свою новую пациентку, Шарлотту начали осаждать неприятные воспоминания. Образы прошлого пробудились у нее в памяти: положительный результат теста на беременность, который она делала в ванной у своей лучшей подруги, ужас и отвращение на лице матери, когда она наконец вынуждена была во всем ей признаться. Потом та кошмарная поездка в больницу. Она была слишком молода и слишком слаба, чтобы со всем этим справиться. Наверное, и эта девушка, что лежит сейчас перед ней, прошла через нечто подобное.

– Все в порядке, – тихо сказала Шарлотта. – Просыпайся. Здесь тебе ничего не угрожает.

Мгновение незнакомка никак не реагировала, затем ее глаза медленно открылись. Шарлотта взглянула в эти карие с золотистыми блестками глаза и увидела в них странную смесь детской невинности и взрослого страха.

– Я – доктор Шарлотта Адамс. Ты находишься в медицинском центре «Редвуд». Ты помнишь, что с тобой произошло?

Мгновение девушка молчала, затем хриплым срывающимся голосом произнесла:

– Почему она не позволила мне умереть?

– Как тебя зовут? – спросила Шарлотта, пытаясь отвлечь ее от мыслей о самоубийстве.

Девушка пристально смотрела на Шарлотту, и в глазах у нее читалась скорее нерешительность, нежели растерянность.

– Не бойся, ты можешь мне доверять, – продолжила Шарлотта.

Девушка медленно покачала головой.

– О тебе, наверное, уже беспокоятся, – сделала еще одну попытку Шарлотта.

– Нет, – резко ответила ее собеседница.

– А твои родители?

– Я хочу уйти отсюда. Где моя одежда?

Она окинула взглядом палату.

Шарлотта могла бы сказать ей, что не может отпустить ее, так как, по закону, любой совершивший попытку самоубийства должен оставаться в клинике не менее семидесяти двух часов и может быть выписан только с разрешения психиатра. Но она предпочла более осторожную тактику.

– Тебе нужно отдохнуть и поесть, а я должна провести несколько анализов по поводу состояния твоего ребенка. Нужно удостовериться в том, что все в порядке. Ты, кажется, на шестнадцатой неделе беременности? К счастью, стадия утренней тошноты уже миновала. Я акушерка. Мне постоянно приходится принимать роды и заботиться о молодых мамах.

Помолчав, Шарлотта добавила:

– Мне бы очень хотелось знать, как тебя зовут.

Девушка перевела на нее взгляд, нервно дергая краешек одеяла.

– Можете называть меня Энни.

Шарлотта улыбнулась.

– Отлично, Энни. Ты обращалась к врачу после того, как забеременела?

– Нет.

– Мне нужно сделать тебе УЗИ. Я хочу посмотреть твоего ребенка и установить точный срок беременности.

– Это будет больно?

– Нисколько.

– Ладно, делайте.

Энни облизала пересохшие губы.

– Я немного проголодалась.

– Прекрасно. Я попрошу, чтобы тебе принесли завтрак. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе, Энни. Кстати, сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

Выглядит она явно моложе, но, скорее всего, не врет, ведь ответила она на вопрос Шарлотты без малейшего колебания.

– Полицейские еще придут? – спросила Энни.

– Обязательно придут. Они беспокоятся за тебя и хотят убедиться, что с тобой все в порядке.

– Если вы скажете им, что со мной все в порядке, они уйдут?

В речи Энни был замечен легкий южный выговор, свидетельство того, что свое прошлое она провела не в Калифорнии.

– С тобой действительно все в порядке?

Энни помедлила, но потом решила признаться:

– Я должна была это сделать. Я хотела проверить, спасут ли меня ангелы. Достояна ли я. И они спасли меня. Значит, теперь все в порядке.

Но Энни спас совсем не ангел. Если бы в тот момент, когда она прыгала с пирса, никто ее не заметил, она была бы сейчас мертва. Однако разговор на подобную тему лучше оставить до более благоприятного времени.

– Я уверена, что есть люди, которые очень за тебя беспокоятся, Энни. Мне кому-нибудь позвонить от твоего имени?

– Нет, не надо. Пожалуйста, не говорите никому о том, что я здесь. – В глазах у Энни появился испуг. – Обещайте мне.

– Отдыхай и ни о чем не беспокойся, – попыталась успокоить ее Шарлотта. – Сейчас тебе принесут завтрак.

Шарлотта закрыла за собой дверь в палату и проследовала по коридору в сестринскую комнату.

Сердце бешено забилося, стоило ей увидеть там начальника местной полиции Джо Сильвейру. Смуглый красавец-брюнет с темно-кариими глазами и иссиня-черными волосами. В свое время он разбил немало женских сердец, но теперь был женат, по крайней мере, так утверждали местные сплетницы. Однако при этом никому не было известно местопребывание его жены.

Шарлотта с деланным равнодушием поздоровалась с ним. Обычно она старалась не обращать внимания на женатых мужчин. Точнее, она давно уже не обращала внимания на мужчин, и сейчас явно был не самый удачный момент для раскрепощения ее либидо.

– Доктор Адамс, – обратился к ней полицейский, и улыбка осветила его лицо. – Давно вас не видел.

– С тех пор, как вы принимали роды на Оук-роуд.

– У меня бы ничего не получилось, если бы не ваши советы по телефону, но я надеюсь, что это был первый и последний подобный случай в моей карьере. Не хочу больше отнимать ваш хлеб. – Сильвейра кивнул в сторону палаты, из которой Шарлотта только что вышла. – Как там наша девчонка?

– Проснулась. Сказала, что я могу называть ее Энни, но я не уверена, что это ее настоящее имя.

– На сей раз она не солгала. Мы нашли ее рюкзак рядом с мотоциклом, который она бросила у пирса. Ее действительно зовут Энни Дюпон. Судя по ее школьному аттестату, ей восемнадцать лет, хотя в школе она не учится уже пару лет. Ее семья живет в горах, и, по-видимому, девушка занимается образованием самостоятельно.

– Вы связались с ее родителями?

– Пока нет. Я направил одного нашего сотрудника по адресу, которым мы располагаем, но он обнаружил в горах лишь заброшенную лачугу. Как вы думаете, Энни сообщит мне свой нынешний настоящий адрес?

– Боюсь, что нет. – Шарлотта решила быть с ним полностью откровенной. – Она просила меня никому не говорить, что находится здесь. Она явно чем-то сильно напугана. Если вы станете на нее сейчас давить, боюсь, она попытается сбежать, а мне совсем не хочется применять к ней насилие. Она еще почти девочка, эмоционально крайне уязвимая и к тому же беременная. Нужно, чтобы она почувствовала себя здесь в безопасности, и тогда, возможно, я смогу ее разговорить. Ее должен посмотреть и наш психиатр, доктор Реймонд, но он приедет только после обеда. Вы не могли бы отложить свой разговор с ней хотя бы до сегодняшнего вечера?

– Ей восемнадцать лет. Наверное, я могу подождать. Послушайте, она случайно не говорила, почему решила утопиться?

– Энни утверждает, что хотела проверить, спасут ли ее ангелы.

– Это то самое чертово видео! – Джо с отвращением покачал головой. – Как будто специально изготовлено для того, чтобы сводить людей с ума.

– Насколько я понимаю, вы не принадлежите к числу тех, кто верит, что ангелы вырезают надписи на отвесных скалах на побережье?

– Я принадлежу к числу тех, кто считает, что кому-то понадобилась легенда об ангелах для прикрытия, или чтобы отвлечь нас от того, что он на самом деле замышляет.

– Вы знаете, Джо... о, простите, мистер Сильвейра...

– Можете называть меня Джо.

Шарлотта закашлялась, смущенная его насмешливым и нежным взглядом. Мужчинам не следует позволять так улыбаться.

Она заставила себя сосредоточиться на теме разговора.

– Я здесь выросла, и легенды про ангелов у нас популярны больше, чем где бы то ни было. И веру в них вам будет очень трудно развенчать. В наших местах случались вещи, плохие и хорошие, которые очень трудно объяснить.

Сильвейра пристально всматривался в лицо Шарлотты.

– Ваши слова звучат чертовски загадочно. Мне вы раньше казались весьма рациональной и логичной женщиной.

Шарлотта вздохнула.

– Когда-то я действительно была такой. Потом я вернулась домой.

* * *

Дженна поморщилась, слушая, как Стелла Рубинштейн, пятидесятидвухлетняя дама, переживающая кризис среднего возраста и последствия развода, «издевается» над темой любви из увертюры-фантазии «Ромео и Джульетта» Чайковского.

Закончив игру, Стелла радостно улыбнулась Дженне.

– У меня уже лучше получается, не правда ли? Сидней просто не поверит, когда я сыграю это на свадьбе у Кэрл.

Да, Сидней вряд ли поверит.

– Вам, наверное, вначале следует продемонстрировать свой талант в более узком кругу, – Дженна тщательно подбирала слова. – Свадьба дочери должна стать по-настоящему радостным событием для вас, а если вы будете волноваться по поводу того, как примут вашу игру, все удовольствие от праздника наверняка будет испорчено.

– Вы шутите? Обо мне будет говорить весь город. Сидней укорял меня, что я сделалась такой однообразной, не могу научиться ничему новому, никому больше не интересна. Он заявил, что я не способна сравниться с более молодой и талантливой женщиной. Как будто у официантки в ресторане Мюррея есть какие-нибудь другие таланты, кроме ее больших сисек. Сид жестоко ошибся, бросив меня, и я намерена ему это доказать! – заявила Стелла. – Теперь он увидит во мне не только женщину, которая на протяжении двадцати трех лет стирала ему носки и готовила обеды. Женщину, которую он бросил, потому что она ему наскучила. Теперь со мной не соскучишься.

– Да уж... Теперь с вами не соскучишься, – покорно согласилась Дженна.

Добродушная и разговорчивая Стелла Рубинштейн принадлежала к числу самых колоритных жительниц Бухты Ангелов. Дженна не понимала, правда, почему Стелла выбрала именно музыку для самоутверждения, но прекрасно знала как профессионал, что музыка – самое лучшее лекарство для уязвленной души. И Стелла, несомненно, получала от этого лекарства немалую пользу. Когда шесть недель назад она пришла на первый урок, то чувствовала она себя крайне неуверенно и была вся какая-то поникшая и бесцветная. Теперь же ее ученица покрасила волосы, сбросила несколько фунтов лишнего веса и свою обычную небрежную одежду сменила на облегающие джинсы и свитер. Благодаря новой стрижке она стала выглядеть свежо и молодо.

– Я получаю истинное наслаждение от игры, – продолжала Стелла. – У меня возникает такое ощущение, словно я делаю нечто чрезвычайно важное и как будто я уже не та, прежняя, а совсем другая. Это звучит глупо, я знаю.

– Вовсе не глупо. Музыка говорит с сердцем человека. Она преображает его.

Дженна всегда обращалась к пианино как к лекарству, когда чувствовала себя несчастной или одинокой. В таких случаях она вся без остатка отдавалась техническим сложностям исполнения Третьего концерта Прокофьева или «Патетической» сонаты Бетховена. Однако, несмотря на обретение Стеллой веры в себя, Дженне очень не хотелось, чтобы та выступала перед публикой, по-настоящему не подготовившись, хотя, по зрелом размышлении, Дженна поняла, что Стелла никогда не будет готова к подобному выступлению. Получая истинное удовольствие от игры, Стелла Рубинштейн при этом была начисто лишена чувства ритма. Она часто путалась, и ее пальцы то и дело сталкивались на клавишах. Но играла она с искренним воодушевлением, а это дорогого стоило.

– Почему бы вам на следующей неделе не прийти ко мне дважды? – предложила Дженна. – Чтобы уж действительно довести музыкальную пьесу до совершенства. Вы же хотите, чтобы ваша дочь по-настоящему гордилась вами.

– Именно она и оплачивает мне эти уроки музыки. Она сказала мне: «Мама, хватит хныкать о том, что ты ничего не умеешь делать, научись хоть чему-нибудь. Ты же еще не так стара. Ты вполне можешь начать новую жизнь. Можешь встретить другого мужчину». – Стелла рассмеялась. – Как будто мне нужен другой мужчина! Но против новой жизни я бы возражать не стала. Я ведь прекрасно понимаю, что играю совсем не так хорошо, как мне кажется, Дженна, но игра действительно доставляет мне удовольствие. Я давно уже не чувствовала себя так хорошо. – Глаза Стеллы затуманились. – Мне будет тяжело отдавать свою девочку замуж. Остается только надеяться, что она сделала более удачный выбор, чем тот, что когда-то сделала я. – Стелла помолчала. – А ваши родители не разведены?

Дженна покачала головой, готовясь произнести очередную ложь о себе. Казалось, теперь лжи не будет конца.

– Они оба уже умерли.

– О, извините.

– Довольно давно.

Дженна надеялась, что на этом вопросы закончатся.

– Уверена, что боль от утраты еще не прошла. Моя мама умерла пятнадцать лет назад, но мне так ее не хватает. Мне иногда хочется с ней поговорить. Каждый год на День благодарения, когда я фарширую индейку по ее рецепту, я всегда вижу ее лицо и как будто слышу, как она укоряет меня за то, что кладу слишком много масла. – Стелла смахнула слезу. – Светлая печаль. Ну, вот сейчас я расплачусь.

– Я тоже очень тоскую по своей матери, – призналась Дженна. – Она погибла в канун Рождества. Ехала в нашу церковь, чтобы играть там на пианино. Ей нужно было прибыть туда пораньше, поэтому мы не поехали вместе.

Дженна замолчала, события той жуткой ночи вновь ожили в ее памяти. Поначалу ей показалось, что за окном вспыхнули рождественские огни, но потом она поняла, что это фары полицейских машин и кареты «Скорой помощи». Потом она услышала крик отца – страшный вопль, который до сих пор часто слышит во сне. Дженна смущенно закашлялась, заметив в глазах Стеллы сочувствие.

– Но...

– Я понимаю. Я должна идти. Спасибо, Дженна.

– Я всегда рада вас видеть.

Дженна встала и тут же оказалась в горячих объятиях Стеллы. Инстинктивно она напряглась. После смерти матери все эти объятия и поцелуи ушли для нее в прошлое, да и вообще она никогда не отличалась излишней чувствительностью. У нее никогда не было особенно тесных и доверительных отношений с подругами, да и большим числом знакомых мужчин она тоже не могла похвастаться. На протяжении же последних нескольких месяцев она не позволяла никому, кроме Лекси, прикасаться к ней.

Однако прикосновение Стеллы впервые за долгое время не вызвало у нее отвращения.

– Какая же вы худая! Вы, наверное, мало едите. Я знаю, что это меня не касается, но ничего не могу с собой поделать. Ну, что ж, до свидания.

Она схватила свою сумочку со стола, помахала Дженне рукой и направилась к двери, что-то при этом напевая.

Когда дверь за великовозрастной ученицей закрылась, Дженна взглянула на часы. До следующего урока оставалось еще несколько минут, и она уселась за старый рояль. Он достался ей с мебелью в доме, который она снимала. Впервые увидев дом и фортепьяно, Дженна мгновенно поняла: они с Лекси попали туда, куда нужно. С музыкой она могла пережить любые невзгоды. Роялю было, по крайней мере, лет семьдесят, и ему было далеко до тех роскошных музыкальных инструментов, на которых ей приходилось играть, но в данный момент он ее вполне устраивал. И даже лучше, потому что этот рояль напоминал ей о том, что значит играть без особых претензий и амбиций или какого-то внешнего давления. Музыка для Дженны была одновременно и лучшим другом, и злейшим врагом, и сейчас Дженне очень хотелось, чтобы она оставалась ее другом.

И вот теперь, когда она смотрела на ряд клавиш перед собой, давнее искушение овладело ею. Она понимала, что должна изо всех сил противиться ему. Ей ни в коем случае нельзя ему сейчас поддаваться. Если она начнет играть что-нибудь большее, нежели простые ноты и примитивные мелодии, она не сможет остановиться, а она *должна будет* остановиться. Теперь она жила совсем другой жизнью. Она не могла себе позволить того, что позволяла раньше.

Но искушение клавиш неумолимо влекло ее. Ну, всего несколько аккордов, просто в качестве лекарства для слуха после мучительно нескладной игры Стеллы. Она понимала, что только ищет предлог, но не могла удержаться от прикосновения к клавишам. Ее сразу же пронзило ощущение неотвратимого восторга, которое она всегда испытывала перед тем, как пальцы извлекут из клавиш первую ноту. И, как только она коснулась их гладкой поверхности, она сразу же утратила контроль над собой и оказалась совершенно в другом мире. Сначала она играла мелодии, памятные ей с раннего детства. Родители научили Дженну играть на пианино раньше, чем читать.

Теперь музыка переполняла ее, мелодии следовали одна за другой. К ней возвращались полузабытые чувства, всплывали воспоминания о прошлом, когда музыка вела ее по жизни...

Толпа поклонников замирала, когда она шла по залу Айзека Штерна в Карнеги-Холл.

Сколько же времени ушло на то, чтобы взойти на этот олимп... целая вечность... Бесконечные часы упражнений, полные неверия в собственные силы. И все-таки она победила. Когда она начинала играть, страх уходил. Дженна как будто превращалась в кого-то другого, расставалась со своим обыденным «я». Она становилась частью музыки, и не только той, которую играла сама, но и той, которую на протяжении многих десятилетий исполняли в этом великолепном зале прославленные музыканты. Теперь она была одной из них, а музыка превращалась в то связующее звено, которое соединяло ее с гениями прошлого.

Когда она завершила свое сольное выступление, наступила гробовая тишина. Затем зал взорвался громом аплодисментов. А она ведь почти забыла, что играла для кого-то еще, кроме себя самой.

Встав, Дженна долго кланялась. Внезапно ее взгляд упал на мужчину в первом ряду. У него было мрачное лицо. И он не аплодировал.

Может быть, ему не понравилась ее игра. Но, черт возьми, сегодня на этой сцене стоит она, а не он. И Дженна отвернулась от него.

За тот ничтожный бунт позже ей пришлось жестоко расплачиваться...

Но сегодня она могла наслаждаться доставшимся ей мгновением, которое принадлежало только ей.

* * *

Рид Таннер притормозил у одноэтажного дома в самом конце Элмвуд-лейн. Дом Дженны Дэвис располагался на краю рощи секвой, на значительном отдалении от соседних домов. Между ним и ближайшим коттеджем раскинулась обширная пустошь. По другую сторону от дома Дженны полоса деревьев спускалась по крутому склону прямо к океану.

Элмвуд-лейн находилась на расстоянии нескольких кварталов от гавани, в довольно тихом районе города, однако до оживленного центра оттуда было не более десяти минут ходьбы. Домик выглядел довольно скромно, рядом – аккуратно подстриженная лужайка, несколько кустов у веранды, но ничего яркого, разноцветного и особенно привлекательного. Окна занавешены шторами и закрыты жалюзи, как будто специально для того, чтобы защититься от яркого полуденного солнца.

Дом производил впечатление одинокого, намеренно отделенного от всех соседних строений, и этим он, наверно, был похож на свою владелицу. Нет, она же не владелица, она всего лишь его арендует, вспомнил Рид. Из местных сплетен Рид узнал, что Дженна Дэвис приехала сюда два месяца назад и уже заслужила репутацию приятной, дружелюбной, но уж слишком замкнутой женщины.

Никому ничего конкретного не было известно ни о ней, ни о ее дочери Лекси. Но он-то сумеет все разузнать, на то он и Рид Таннер.

Он хотел было постучать во входную дверь, но тут до него долетели из дома звуки музыки, и он передумал. Тот, кто там внутри играл на пианино, обладал невероятным талантом, Рид это мгновенно понял. Но в самой мелодии было что-то болезненное и недоброе, в ней звучали раскаты грома, чувствовалось приближение страшной бури. У Рида забилося сердце в предчувствии чего-то очень важного. Ему казалось, что музыка наполняет воздух, которым он дышит, течет вместе с кровью по жилам, приводит в трепет каждую клеточку его тела. Он ощущал ее притяжение. Чувствовал, что она влечет его туда, куда он не хотел идти, заставляла его думать о чем-то, переживать... Черт побери, ему не нужны эти мысли и переживания. Риду захотелось бежать отсюда, но он не смог сдвинуться с места.

Мелодия завершилась потрясающим крещендо. Рид сделал глубокий вдох, взволнованный услышанными яростными звуками, ощущением отчаяния и ужаса, изливавшихся в музыку. Он подождал мгновение, и музыка смолкла. Воцарилась полная тишина. Тишина перед очередной бурей, или буря все-таки закончилась?

Кто мог сказать наверняка? Рид провел не один день, размышляя над тем, отступят ли когда-нибудь те кошмары, что преследовали его в последнее время, или же они всегда будут подстерегать его и нанесут очередной удар в тот момент, когда он меньше всего будет ожидать их, напомнив ему, что он никогда не сможет от них освободиться.

И, возможно, тот человек, который сейчас играл на пианино в доме, тоже переживает нечто подобное. Человек, который играл на пианино с такой страстью, какой Риду никогда прежде не доводилось слышать. Задумавшись над этим, он усомнился в правильности своего плана. Ведь он приехал сюда, чтобы расспросить местных жителей о появлении ангелов.

К сожалению, Рида гораздо больше заинтересовала женщина, которая так безжалостно отшила его прошлым вечером. И интерес его только усиливался от предположения, что именно она сейчас и играла на пианино.

Рид позвонил и поднял камеру, чувствуя выброс адреналина в кровь.

Господи, как же она разозлится! Но его переполняло предвкушение чего-то по-настоящему увлекательного.

Дверь открыла Дженна.

– Улыбочка! – произнес Рид и щелкнул кнопкой фотоаппарата.

Он заметил, как у нее от неожиданности отвисла нижняя челюсть, как сверкнули гневом темно-синие глаза, в которых почти мгновенно появилось отчаяние. Рид сделал еще одно фото, и когда она после этого попыталась захлопнуть дверь, он помешал ей, поставив ногу на порог.

– Я же вам говорил, что все равно сфотографирую вас.

– А я вам говорила, что вы все равно ничего от меня не добьетесь. Почему вы не отправились на скалу вместе с другими репортерами?

– Я не люблю ходить в стае, Дженна.

Она нахмурилась, услышав свое имя из его уст. На ее лице отразилось интригующее сочетание возмущения и настороженности.

Рид почувствовал, что Дженна Дэвис, должно быть, весьма не простая женщина – еще одна причина, по которой ему не следовало бы приходить к ней домой.

– Как вы меня нашли? – спросила она.

– Ничего не было проще. В кафе у Дины все только и говорили, что о вашем вчерашнем героическом поступке. Почти все признавались, что не смогли бы поступить так, как вы, окажись они на вашем месте. Мне даже странно, что никто из журналистов местной газеты не захотел взять у вас интервью.

В глазах у Дженны появился некий намек на смущение.

– Наверное, я ошибаюсь. Они пробовали, но вы их выставили за дверь, не так ли?

– Мне абсолютно наплевать на ваши газетные штучки. Я поступила так, как на моем месте должен был бы поступить любой. Сотрудники местной газеты уважают мое право на неприкосновенность частной жизни.

– В таком случае они не более чем жалкие педики, а не настоящие журналисты.

– Что вам от меня надо? – резко спросила Дженна.

– Я хочу знать, почему вы так поступили. Большинство окружающих нас с вами людей не оторвали бы свой зад от дивана, чтобы спасти собственную мамашу, а вы, не раздумывая, бросились в ледяные волны залива на помощь совершенно незнакомой вам девушке. Именно этим вы меня и заинтересовали.

Взгляд Рида скользнул по ее фигуре. Вчера вечером она промокла, и в темноте он не смог ее хорошенько рассмотреть. Не очень яркая, но довольно мила. Густые каштановые волосы перехвачены резинкой, и, кроме двух пятен румян на щеках, никаких других признаков косметики. Не было на ней и украшений, даже обручального кольца, что тоже заинтриговало Рида.

На ней были дешевые мешковатые джинсы и поношенная майка, которая к тому же была ей велика как минимум на один размер. Дженна производила впечатление женщины, живущей чрезвычайно скромно, но у скромности этой, несомненно, была причина – ей явно хотелось обращать на себя как можно меньше внимания. Глядя на нее, казалось, что она стремится от кого-то или чего-то спрятаться, что еще больше подогревало его интерес к ней.

– Что вы хотите получить в обмен за уничтожение сделанных вами только что снимков? – спросила Дженна, скрестив руки. От этого движения майка натянулась, и от взгляда Рида не ускользнули соблазнительные очертания ее груди. Чувствовалось, как вся она напряглась в ожидании его ответа. Посмотрев ей в глаза, Рид кашлянул.

– Как насчет, например, откровенного объяснения, почему вас так пугают фоторепортеры?

– Я хочу вести спокойную жизнь, вот и все. Кстати, на кого вы работаете?

– На журнал «Спотлайт».

– Не слыхала о таком.

– Его читают шесть миллионов человек, – сообщил Рид. – Мы освещаем любые вопросы, которые могут заинтересовать наших читателей.

– Вряд ли их заинтересую я.

– Но меня вы уже успели заинтересовать.

– Не могу представить чем.

– Тем, например, что вы даете уроки фортепианной игры начинающим, притом что сами играете как профессиональной пианист мирового класса.

Глаза Дженны расширились от ужаса.

– Вы слышали мою игру?

– Да, и был восхищен ею. Но, я полагаю, вас не должно удивлять мое восхищение.

– Никаких восторгов я не заслуживаю. В этом я абсолютно уверена, – резко ответила Дженна, тряхнув головой.

– У вас явно заниженная самооценка. Между прочим, почему вы решили сыграть такое мрачное произведение? Возникло ощущение, что вас терзает какая-то невероятная боль или злость, а может быть, и то, и другое, вместе взятое.

Дженна отвернулась и взглянула на часы.

– У меня нет времени на подобные разговоры. Через несколько минут ко мне придет ученик. Послушайте, мистер...

– Таннер. Рид Таннер. Дело в том, Дженна, что у меня как раз есть немного свободного времени до следующего чудесного появления ангелов. Передо мной стоит дилемма: я могу либо вас кое о чем расспросить, либо порасспрашивать о вас жителей городка. Уверен, им не терпится потолковать о таком исключительном человеке, как вы. Разговоры уже начались благодаря тому поступку, который вы совершили вчера вечером. Вам выбирать. Если вы хотите, чтобы я ушел, вам придется кое в чем мне уступить.

Мгновение Дженна колебалась, в ее прекрасных синих глазах отражалась внутренняя борьба. Рид чувствовал, что ей хочется захлопнуть дверь у него перед носом, но, так как подобная тактика уже один раз не сработала, ей нужно было придумать что-то новое.

Обычно Риду не стоило большого труда разговорить женщину, но на сей раз ему попался крепкий орешек.

– Хорошо, – наконец проговорила Дженна, – вот мои условия. Вы сделали два снимка. Я даю вам право на два вопроса. После чего вы сотрете мои фотографии.

– Но вы будете отвечать правду? И, простите, этот вопрос не считается, – поспешно добавил он.

– Посмотрим.

– Ладно.

На мгновение он задумался, стараясь точнее подобрать слова.

– Где находится отец Лекси?

– Он умер, – коротко ответила Дженна. – Следующий вопрос.

– Кого вы боитесь?

Дженна не ответила сразу, несколько секунд она стояла, сжав губы. Затем посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

– В данный момент... вас.

3

– Меня? – отозвался Рид. – С какой стати вам меня бояться?

– У вас закончился лимит вопросов, – ответила Дженна с решительным блеском в глазах. – А теперь отдайте мне ваш фотоаппарат.

– Я сам сделаю то, что вы просите. – Он отступил на шаг, опасаясь, что Дженна выхватит фотокамеру у него из рук, после чего нажал пару кнопок. – Довольны?

– И больше не приходите сюда! – предупредила она.

– Вам не нужно меня бояться. Я ведь не бандит какой-нибудь.

– Именно так говорят все бандиты, – сказала Дженна, и в ее голосе послышалась нотка разочарования. – До свидания, мистер Таннер.

Через мгновение Рид уже изучал захлопнувшуюся перед ним дверь. Ему страшно не нравилось, что и на сей раз последнее слово осталось за Дженной. А он ничего, по сути, не получил. У него не было ее снимков, а ее ответы породили еще больше вопросов.

Он повернулся и стал спускаться по ступенькам к своему автомобилю.

Журналистский инстинкт подсказывал ему, что он должен во что бы то ни стало разузнать ее историю. Рид был уверен, что такая история у нее есть и притом страшно увлекательная. Именно поэтому она и боится его. У нее есть тайна, которую она тщательно хранит. Таннер никогда не умел противиться соблазну тайны. Но в глубине души он чувствовал, что расследование этой тайны может стать причиной массы проблем, а их у Рида и так было с избытком.

Он включил зажигание и отъехал от обочины. Разворачиваясь, Рид заметил, как шевельнулась штора на окне.

Она наблюдает за ним.

Просто поезжай и не оборачивайся, сказал себе Рид. Однако против своей воли он не отрываясь смотрел в зеркало заднего вида, понимая, что обязательно сюда вернется.

* * *

Дженна поняла, что ей предстоит как-то справляться с Ридом Таннером. Сегодня он уехал, но он обязательно вернется.

Подобно акуле, он чувствовал запах крови, но она не раскроет ему свои секреты, как бы ни пытался он обворожить ее своей неотразимой улыбкой или проникновенным взглядом темно-карих глаз. Она не может и не должна никому доверять, тем более журналисту.

Когда в очередной раз зазвенел звонок, Дженна, прежде чем открыть, посмотрела в глазок. За дверью стояла ее ученица.

Марли – студентка выпускного курса университета, двадцати двух лет. Она должна была вот-вот получить диплом учителя и у Дженны брала уроки игры на пианино, которые, по ее мнению, должны были ей пригодиться в работе с детьми в начальной школе.

Пухленькая блондинка улыбнулась Дженне.

– Привет.

– Привет. Удалось попрактиковаться на этой неделе?

– Не очень. У меня было много всякой другой работы. Но я все-таки надеюсь, что на следующей смогу выкроить больше времени.

Зазвонил сотовый Дженны. Она вздрогнула от неожиданности.

Только один человек знал номер этого ее телефона. Сердце Дженны бешено заколотилось.

– Марли, поупражняйтесь немного без меня. Я подойду через минуту.

Она бросилась к себе в спальню, плотно закрыла за собой дверь и набрала номер, с которого ей только что звонили. Ей почти мгновенно ответил тихий, очень знакомый женский голос.

– Что-нибудь случилось? – спросила Дженна.

Женщина, которую Дженна знала под именем Пола, ответила:

– Брэд выставил дом на продажу.

– Он переезжает? – спросила Дженна, потрясенная услышанным. – А как же его работа?

– Возможно, он никуда не уедет. Просто не будет жить в том доме.

Дженне сделалось дурно. У Брэда явно появился какой-то план. Но какой?

– У вас все в порядке? – спросила Пола. – Как Лекси?

– Лучше. Теперь она просыпается не больше двух раз за ночь. И еще у нее появились друзья. Она меньше заикается. Мне бы очень не хотелось увозить ее отсюда. Мне кажется, что она наконец-то начинает чувствовать себя в безопасности.

– Ты сделаешь то, что должна сделать.

– Да, конечно.

– Ей посчастливилось иметь такую мать, как ты.

– Посчастливилось? Трудно представить себе более несчастного ребенка, – прошептала Дженна, закончив разговор.

* * *

Побережье Бухты Ангелов оживляла обычная полуденная суета. В воздухе стоял запах жареной рыбы, который Рид почувствовал, проходя мимо «Крабовой лавки Карла». Здесь уже выстроилась очередь за рыбными палочками с жареным картофелем. Он обошел группу туристов, только что вернувшихся с экскурсии, во время которой наблюдали за китами с «Акулы-Ангела», чартерного судна, приписанного к Бухте Ангелов и принадлежащего семейству Мюрреев. Самому известному семейству в городке, у членов которого Рид также со временем намеревался взять интервью. Однако в данный момент он занимался поисками семидесятидевятилетнего Генри Милтона, который, по слухам, дни и ночи проводит на своей рыбацкой лодке, называвшейся «Мэри Линн».

Семиметровая лодка, которую Рид заметил неподалеку от «Акулы-Ангела», казалось, пережила немало штормов, так же как и человек, лениво прохаживающийся по палубе. Обветренная физиономия Генри Милтона повидала не меньше штормов, чем его лодка, – смуглая кожа красновато-коричневого оттенка была испещрена множеством мелких морщин. Седые волосы торчали на макушке клочковатыми прядями. Сам он был чрезвычайно, даже как-то болезненно худ. Заметив приближающегося Рида, старик дружелюбно ему улыбнулся.

– Мистер Милтон, можно мне подняться на борт? – спросил Рид.

– Зависит от того, с какой целью вы сюда пришли. Если для того, чтобы поговорить с моим внуком Тимоти, то его нет.

– Понимаю. В последние дни его не так-то просто найти.

Все попытки Рида взять интервью у Тимоти и его друга Джеймса, снявших знаменитое интернетное видео об ангелах, потерпели полное фиаско.

Как оказалось, оба молодых человека отправились далеко в море ловить рыбу и должны были вернуться только на следующий день.

Вероятно, им было не по себе от той мощной волны любопытства, которую вызвал их сюжет, но вечно скрываться от журналистов они все равно не смогут.

– Собственно, я хотел бы поговорить с вами, – продолжил Рид. – Я бы не прочь узнать ваше мнение относительно пресловутых ангелов и изображений на скале.

– Мое мнение... э-э-э? Тогда подождите минутку.

Генри спустился в трюм лодки и спустя некоторое время появился оттуда с двумя бутылками пива. Одну из них он бросил Риду.

– Кажется, самое время утолить жажду.

– Верно. Спасибо.

Рид уселся на скамейку напротив старика, открыл бутылку и сделал большой глоток. Вкус у пива был совсем неплохой – вкус забвения. Но в данный момент он не мог его себе позволить и отставил бутылку в сторону.

– Итак, что же вы думаете по поводу ангелов?

– В этом городке ходит много разных легенд, даже и не знаю, с чего начать.

– Вы ведь прожили здесь всю жизнь? Я не ошибаюсь?

– Да, так же как мои родители, и родители моих родителей, и их родители. Мой прапрапрадед был одним из двадцати четырех выживших, которым удалось добраться до берега после того, как в середине девятнадцатого столетия здесь потерпела крушение «Габриэлла». Сам он родился в Нью-Йорке, но уехал из родного города и в поисках золота обогнул мыс Горн и добрался до Сан-Франциско. Золота он не нашел, но влюбился и завел семью. Потом повез жену обратно на Восточное побережье, но их корабль затонул. Его жена погибла. Он женился на одной из спасшихся и с новой семьей остался здесь.

Генри почесал подбородок.

– В ту ночь погибло очень много народа. В заливе неподалеку от берега выловили тридцать тел. Еще сорок унесло в открытое море. Их так и не нашли.

– Значит, ваш предок оказался в числе немногих счастливчиков? – подвел итог Рид.

– Да.

– Как вы думаете, не являются ли это видео, ангелы, изображения на скале всего лишь способом привлечь побольше туристов на летние праздники, которые открываются здесь завтра? Может, кто-то хочет сделать ваш городок еще привлекательнее?

Генри бросил на Рида пристальный взгляд.

– Тимоти мне говорил, что видел ангелов. Причем так же ясно, как собственную руку. Он даже видел их лица, а не только очертания. Одна из них женщина с длинными светлыми волосами. На том видео, которое он сделал, она не очень хорошо получилась, но мой внук клянется, что сразу же узнает их, если увидит снова.

– В самом деле? – Рид попытался говорить без недоверия в голосе. Ему нужно было разговорить Генри, а скепсис мог только помешать этому. – Скажите, ваш внук религиозен?

И вновь Генри пристально посмотрел на своего собеседника.

– Нет, он совсем не верующий. Он утратил веру в Бога после того, как развелись его родители. Вы ведь тоже неверующий, мистер...

– Таннер. Да, вы правы, я неверующий.

После паузы Рид продолжил:

– Я слышал, что на «Габриэлле» перевозили большое количество ценностей, найденных в дни золотой лихорадки. Тем не менее никому до сих пор не удалось отыскать на дне бухты ни обломков самого корабля, ни каких бы то ни было признаков пропавшего золота.

Генри кивнул.

– А вы неплохо подготовились, – одобрительно сказал он. – Но, если вы не смогли разглядеть признаков чего-то, это еще не значит, что его там нет. Всю свою жизнь я хожу в море ловить рыбу. Под водой у нас тут целые каньоны и горы. В хорошую погоду там можно увидеть потрясающие красоты. И я никогда не сомневался в том, что где-то неподалеку отсюда находятся и обломки самой «Габриэллы», и ее драгоценный груз.

Генри немного помолчал, затем заговорил снова:

– Некоторые считают, что ангелы пытаются нарисовать на скале карту местонахождения затонувшей «Габриэллы». Они хотят, чтобы мы нашли что-то такое, что было скрыто от нас на протяжении очень долгого времени.

– Сокровища, – пробормотал Рид, и холодок предвкушения сенсации пробежал у него по спине. Мысль о потерянном золоте не могла не волновать.

– Именно, – сказал Генри и широко улыбнулся Риду. – Ну, что, удалось мне вас заинтересовать? На ангелов-то вы можете наплевать, но только не на таящиеся где-то здесь сокровища. Соблазны, алчность да скупость меняют человека. Отчаяние тоже.

Генри замолчал, поднес бутылку к губам и, задумчиво нахмурившись, сделал большой глоток.

– Здешние места всегда были ареной битвы добра и зла, двух сторон человеческой души. У нас в семье на протяжении нескольких поколений сохраняются дневники. В них изложены события той ночи: страшная буря, корабль, разбивающийся в щепы о скалы, отчаянный поиск шлюпок, понимание того, что их не хватит на всех и что не всем суждено спастись. Там же упоминается, что поведение многих было далеко не героическим.

Рид не мог отвести глаз от старика, увлеченный его рассказом.

– Но ваш предок вел себя достойно?

– В его собственных воспоминаниях он предстает настоящим героем, да только кто сейчас может знать правду? Порой человеку очень не хочется пристально всматриваться в собственную душу. Вы ведь понимаете, о чем я, мистер Таннер?

Рид действительно провел большую часть нынешнего года, изо всех сил пытаясь не слишком пристально всматриваться в свою душу. И у него неожиданно появилось отчетливое ощущение, что старому Генри о нем все известно. От этой мысли Риду стало не по себе.

Он всегда считал себя прекрасным игроком в покер – человеком, хорошо умеющим скрывать свои эмоции.

– Граница между добром и злом может быть очень тонкой, – продолжал Генри. – Иногда она совершенно размыта, а порой вы замечаете ее, только перешагнув через нее. Вам кажется, что вы поступаете правильно, и вдруг вы осознаете, насколько заблуждались.

Старик откинулся на спинку скамьи и сделал новый глоток пива.

Рид этот разговор неожиданно задел за живое, и он перевел взгляд на городскую панораму – ему нужно было какое-то время, чтобы привести мысли в порядок.

Маленькие магазинчики выстроились вдоль всего Океанского бульвара. Набережная была похожа на поздравительную открытку: сувенирные лавки, маленькие уличные кафе, художественные галереи, бутики, антикварные магазины, магазин лоскутных одеял.

Дальше располагался жилой район города, в основном состоявший из небольших коттеджей. Однако на прилегающих к берегу холмах виднелись шикарные особняки.

Пройдет совсем немного времени, и в Бухте Ангелов появится гораздо больше рабочих мест и жителей, чем он сможет вместить. Возможно, это время уже наступило. Управляющий гостиницей «Чайка», в которой остановился Рид, сообщил ему, что практически все отели в городе сейчас переполнены.

У них никогда не бывало такого количества туристов. Наверное, именно этого и добились изготовители видео.

– Вам бы поговорить с Фионой Мюррей, – посоветовал Генри, прервав череду мыслей Рида, – если вас действительно интересует история нашего города. Она владелица магазина лоскутных одеял, там часто собираются здешние женщины. Вон то большое строение красного цвета. – Генри указал на дальний конец улицы. – Фиона много знает о «Габриэлле», о судьбах спасшихся пассажиров и их потомков. Существует легенда, что некоторые из переживших кораблекрушение попытались потом уехать из города, но ни у кого из них это не

получилось. Как будто погибшие удерживали их и не отпускали даже после своей смерти. – Генри погладил короткую русую бородку. – Другая легенда утверждает, что на судне перед самым кораблекрушением произошло нечто жуткое.

– В каком смысле жуткое? – спросил Рид, старику вновь удалось заинтриговать его.

– Убийство, – коротко ответил Генри. – Некоторые считают, что именно поэтому ангелы так взволнованы. Им надоело ждать, пока истина выйдет на поверхность. Они хотят привлечь чье-то внимание к этой страшной тайне. – Он помолчал, глядя Риду прямо в глаза. – Не исключено, что ваше.

Убийство, утерянное сокровище, таинственная женщина...

На каждом шагу в Бухте Ангелов его поджидал какой-нибудь новый захватывающий сюжет. Рид почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки, как будто погода должна была внезапно измениться, или должно было произойти нечто важное. Что за ерунда! Его просто заворожили стариковские рассказы.

– История интересная, – с иронией в голосе заметил Рид.

– Но рассказывать ее придется кому-то другому. – Генри вопросительно взглянул на Рида. – Почему бы нам не проехаться к скалам? Изображения там лучше всего видны с океана.

Рид бросил взгляд на изрезанную береговую линию и дальние утесы. За пределами безмятежной поверхности залива водная гладь производила впечатление коварной стихии, готовой в любой момент взорваться ураганом.

– Это далеко?

– Сразу за волноломами. Минут за двадцать доберемся. Может, у вас есть какие-то более важные дела? Вы не похожи на человека, который пишет, основываясь только на чужих рассказах, – с улыбкой заметил Генри, бросая вызов молодому журналисту.

Рид его принял с такой же задорной улыбкой.

– Вы меня совершенно правильно поняли. Поехали.

– Замечательно!

Генри вскочил и стал готовить лодку к отплытию. Он отвязал канаты, включил мотор, и они отплыли. Когда они отходили от причала, Рид приблизился к Генри, стоявшему у руля.

Глаза старого рыбака блестели от возбуждения.

– Вы влюблены в море, как я вижу, – заметил Рид.

– Я всю свою жизнь был связан с морем. Оно у меня в крови. Не знаю, что бы я делал, если бы больше не смог видеть океан, чувствовать солоноватый вкус морского ветра, бьющего в лицо. Вот в чем для меня счастье. – Генри улыбнулся, но улыбка была не радостной. – У моих сыновей совсем другое отношение к жизни. Один из них живет в Детройте, другой – в Небраске. Очень далеко от океана. Но оба счастливы.

– Один из них – отец Тимоти, насколько я понимаю?

– Да. Мой старший, Пол. Они с Эрикой развелись шесть лет назад. Эрика жила здесь какое-то время, но в прошлом году нашла себе нового мужа и переехала в Лос-Анджелес. Тимоти решил остаться и поселился у меня вместе со своим другом. Я стараюсь с ним почаще видеться. Но ведь он молодой человек, и ему скучно со старым дедом. Какой, однако, чудесный день! Господи, как же я все это люблю!

Рид, прищурившись, пристально посмотрел на старика.

– Сколько пива вы выпили?

– А этот вопрос вам следовало бы задать до нашего отплытия, – рассмеявшись, ответил Генри. Он прибавил скорости, и Риду пришлось ухватиться за бортовое ограждение, чтобы удержаться на ногах.

– Поверьте мне, уж я-то знаю, что делаю.

Слова старика болезненным эхом отозвались в душе Рида. В последний раз он слышал их от человека, которого уже не было на этом свете.

– Что-то случилось? – спросил Генри, искоса взглянув на Рида. – Вы как будто слегка позеленели. Сколько вы выпили пива?

– Совсем немного. Одну бутылку, которую вы мне дали.

Генри кивнул.

– Я заметил блеск у вас в глазах, когда давал вам пиво. Вы частенько пытаетесь забыть с его помощью, не так ли?

– Случается.

– И чего же вы опасаетесь? Боитесь забыть или боитесь вспомнить?

– Возможно, опасаясь и того, и другого немного. Никогда не думал, что меня так легко раскусить.

– Я уже давно живу на этой земле, сынок.

Рид отвернулся, вновь ощутив неожиданный всплеск эмоций, и вновь от одного-единственного слова. У него не было отца, он никогда не слышал в свой адрес слова «сынок», и ему казалось, что он уже давно привык к этому. Как ни странно, обращение «сынок» в устах старика его успокоило. Более того, здесь, среди водной глади залива, где океанский ветер дул ему в лицо, а горячее солнце согревало голову, он впервые за долгое время ощутил спокойствие и уверенность в себе. Наступило лето, его любимое время года, – длинные дни, короткие теплые ночи и почти постоянно ярко-голубое небо. Время новых возможностей. Рида изумило это неизвестно откуда взявшееся воодушевление. Может быть, причина всему – божественная красота океана. Генри прав, в морском пейзаже есть что-то такое, что вселяет в человека ощущение свободы и собственной силы.

Оглянувшись на старика, он заметил у того на лице выражение нескрываемого восторга и наслаждения.

– Теперь я понимаю, за что вы любите океан.

– Здесь я правлю миром, – отозвался Генри, сопроводив свои слова широким взмахом руки. – Держу пари, вы меня понимаете.

– Когда-то, наверное, я тоже чувствовал нечто подобное, – сознался Рид.

– В море я управляю своей судьбой, ну, по крайней мере, до тех пор, пока мать-природа не решит вступить со мной в неравную игру. Но даже с ней я смогу потягаться. Там, на берегу, слишком много разных людей, которым нравится понукать мной.

– Возможно, это люди, которым вы просто небезразличны.

– И поэтому они считают, что я слишком стар, чтобы ходить по улице без сопровождения, – пробурчал Генри.

Рид улыбнулся и указал на остов сгоревшего двухэтажного дома на одном из утесов.

– Что там такое?

– Владения Рамзеев. Проклятое место. Дом постоянно пытаются отстроить заново, но что-то обязательно этому мешает.

– Наверное, помимо всего прочего, там обитают привидения. А может быть, в нем отдыхают ангелы после работы по раскрашиванию ваших скал.

– Не исключено, – отозвался Генри, как будто не заметив сарказма в голосе Рида. – Единственное, что мне известно наверняка, – это то, что за последние тринадцать лет с тех самых пор, как в подвале этого дома нашли тело пятнадцатилетней Абигейл Джеми-сон, никому не удалось прожить в нем больше нескольких дней. Девушка была убита. В тот момент дом пустовал – прежние жильцы съехали, а новые еще не прибыли. Какое-то время в убийстве подозревали одного местного парня, Шейна Мюррея, но так и не смогли найти неопровержимых доказательств его вины. Это преступление до сих пор считается нераскрытым. С тех пор дом часто переходил из рук в руки, сменил нескольких владельцев, и там

постоянно происходит что-то странное. Люди, которые там останавливались, рассказывали, будто слышали крики, доносившиеся из подвала, крики Абигейл, разумеется.

– Вам бы следовало стать писателем, Генри, – с улыбкой заметил Рид. – Вы прирожденный рассказчик.

– Я не рассказываю сказок, а говорю про то, что было на самом деле.

– А когда случился пожар?

– Примерно шесть месяцев назад. Новый владелец решил сделать в доме капитальный ремонт, вот тут-то все и запылало. Говорили о поджоге, но никакого поджигателя так и не нашли. Слышал, что дом снова выставили на продажу, но я очень сомневаюсь, что кто-то будет на него претендовать. По крайней мере, никто из местных.

Когда они приблизились к берегу, волны стали неистово раскачивать лодку.

– Здесь всегда так? – спросил Рид, ухватившись за ограждения и чувствуя, как содержимое желудка подкатывает к горлу.

На физиономии Генри появилась самоуверенная улыбка бывалого моряка.

– Ничего страшного. Океан просто шутит с нами, старается развлечь.

– А вы когда-нибудь попадали в настоящую бурю?

– Было такое. Три раза. В последний раз десять лет назад. Как же тогда волны били о борт моей лодки! И она начала набирать воду. Я уже подумал, что вот-вот пойду на дно. Проклинал себя за то, что выбрался в море в плохую погоду. Потом услышал голоса – голоса умерших людей: бабушки, матери, сестры. Они давали мне советы. Это были советы ангелов. Я последовал им и благополучно вернулся домой.

– И вы на самом деле видели ангелов? – спросил Рид, не в силах скрыть скепсис.

– Нет, не видел. Но я чувствовал их присутствие.

– Я думаю, большинство, оказавшись в тяжелой или смертельно опасной ситуации, начинают искать помощи ангелов или каких-то других духов.

– Наверное, вы правы. Но ведь я же не погиб благодаря им...

Генри заглушил мотор и указал на скалу.

– Вот она.

На утесе собралось множество народа – искатели ангелов чуть ли не в полном составе.

– Мы можем подплыть поближе? – спросил Рид.

– Совсем близко не сможем. Воспользуйтесь вот им. – Генри вытащил бинокль. – Вы рассмотрите изображения даже лучше тех, кто стоит там, на утесе. Некоторые из них обезумели настолько, что пытаются спуститься вниз по скале. Один позавчера упал на камни и сломал обе ноги. Его пришлось доставать оттуда с помощью вертолета. Теперь там устанавливают ограждение.

Рид направил бинокль на зевак, что собрались за временным проволочным ограждением на самом краю скалы. Большинство выглядело, как обычные туристы. Они просто с любопытством осматривались вокруг. Но была там и парочка опустившихся на колени людей, явно молящихся.

Рид перевел бинокль на поверхность скалы. В видео, выложенном в Интернете, демонстрировались в основном очертания ангелов, а не сама скала. В фильме, сделанном позднее, были видны какие-то другие, по-видимому, случайные и хаотические отметины на поверхности скалы. Глядя в окуляры бинокля, Рид с удивлением отметил, что эти отметины выстраиваются в некое подобие человеческого лица. Голова овальной формы, два больших глаза, вздернутый нос, красиво очерченный рот, длинные волосы, ниспадающие с одной стороны, – рыжевато-золотистые локоны, резко выделяющиеся на фоне серой поверхности скалы.

Рид почувствовал, что от волнения у него сильно участился пульс, когда лицо на скале полностью обрело форму и крепко запечатлелось в его памяти.

– Что вы видите? – спросил Генри.

– Не могу сказать точно. – Рид не мог признаться старику в той мысли, которая пронзила его мозг. Она была просто безумна.

– Ну, попробуйте, – настаивал Генри. – Я думаю, все не так сложно, как кажется.

– Может быть, женское лицо, а может быть, и нет.

– Интересно, – задумчиво отозвался Генри.

Рид опустил бинокль, почувствовав, что Генри хочет рассказать ему еще одну историю.

– Интересно, – повторил Генри. – Когда я смотрю на скалу, то вижу розовый куст.

– Вот как? – Рид снова поднес бинокль к глазам. – Ничего похожего на розовый куст не вижу.

– Конечно. Каждый видит что-то свое. И каждый описывает его по-своему. Один говорит, что видит карту. Другой – человеческое лицо. Третий – сундук с сокровищами. Четвертый – дом. Кто-то даже видит волка. Я думаю, что каждый видит то, что должен увидеть. Поэтому все говорят разное.

– Оставьте эту ерунду для туристов. – Рид вернул бинокль Генри, взял фотокамеру и сделал несколько снимков, с тем чтобы позднее рассмотреть их более внимательно.

Старик рассмеялся.

– Кто может с уверенностью утверждать, что реально, а что – нет?

– И что является работой ангелов, а что – воздействием волн, постоянно бьющих о скалы.

– Этих отметин на скале месяц назад еще не было. Каждый день на ней появляются новые линии, хотя за последние несколько дней их стало меньше, чем прежде. Возможно, потому, что на утесе теперь собирается слишком много народу, и они отпугивают ангелов.

– Или тех, кто вырезает картины на скалах.

– Никакой человек не сможет добраться до того участка на скале. Я же говорил вам, что случилось с парнем, который пытался это сделать.

– Может быть, есть какой-то способ, о котором мы не знаем.

Но о других возможных способах не хотелось даже и думать.

Повернув лодку назад, Генри вопросительно взглянул на Рида.

– Ну, и кто же она такая?

– О ком вы?

– Та женщина, чье лицо вы увидели на скале? Вы ее знали?

Он действительно узнал ее? Неужели его подсознание спроецировало лицо Эллисон на скалу просто потому, что он не в силах его забыть?

Рид решил ответить на вопрос Генри собственным вопросом:

– Если вы считаете, что мы видим на скале то, что должны или хотим увидеть, то в чем у вас проблема с вашим розовым кустом?

Генри отвернулся в сторону океана.

– Моя Мэри очень любила ухаживать за розами. У нас их много росло за домом. Целый розовый сад. Меня всегда влекла вода, ее – земля. Ей нравилось сажать семена растений, ухаживать за ними, наблюдать, как они растут. По ночам я засыпал, чувствуя запах роз у нее на руках, в ее волосах, и с тех пор, как она умерла, я никак не могу избавиться от ощущения, что все еще продолжаю чувствовать этот аромат. – Он печально покачал головой. – Мы прожили вместе тридцать девять лет. На сорокалетнюю годовщину нашей семейной жизни мы планировали отправиться в круиз на Аляску. Мне ни разу, ни под каким предлогом не удалось затащить ее на свою лодку, но она всегда мечтала попасть на шикарные круизные корабли с роскошными ресторанами. Мы все откладывали и откладывали поездку, а потом было уже слишком поздно. Ее нет уже почти четыре года. Я и представить себе не мог, что смогу жить без нее, но жизнь как-то идет, день проходит за днем... – Старик перевел взгляд на Рида. – Когда-нибудь ты это поймешь, сынок.

– Вы случайно не экстрасенс?

В способности Генри понимать самые скрытые движения души мало знакомого ему собеседника было что-то жуткое.

Пока Генри подводил лодку к причалу, Рид прошел по ней, чтобы получше рассмотреть водный простор, остававшийся позади. Скала с загадочными изображениями уже начала удаляться от них, уменьшаясь в размерах, и вдруг ее накрыла большая тень – тень, в которой явно проглядывали очертания женской фигуры. Наверное, всего лишь тень от облака, но небо было практически безоблачным. Нелепые мысли стали лезть в голову Риду, но он настойчиво отгонял их. Он провел в городке меньше двух суток, но уже оказался им околдован. И видел он вовсе не ангела. Потому что если бы ему на самом деле явился некий дух, то это был бы не ангел, а демон.

4

От полуденного бриза по коже Дженны пробежали мурашки. На целый день у нее было испорчено настроение. Причем не только из-за известия о том, что Брэд выставил дом на продажу, но и из-за бесцеремонного вторжения Рида Таннера в ее жизнь.

Шагая с Лекси по Океанскому бульвару, Дженна не могла избавиться от ощущения, что кто-то наблюдает за ними. Сонный городок, в который она переехала некоторое время тому назад, теперь отличала лихорадочная активность в связи с подготовкой к фестивалю, отмечавшему одновременно и годовщину основания города, и официальное начало летнего сезона. Фестиваль должен был открыться через два часа. Он начнется с угощений, вина, закусок и ярмарки ремесел вдоль всего побережья.

На уик-энд было назначено еще несколько мероприятий, включая красочный карнавал и карусели на дальней окраине городка. Дженну уже терзало предчувствие неизбежного хаоса, который воцарится в городе из-за огромных толп приезжих. Будь ее воля, она бы заперлась дома на все выходные до понедельника. Но она прекрасно понимала, что ей, к несчастью, никакими способами не удастся удержать там Лекси во время праздника. С другой стороны, ей очень не хотелось, чтобы Лекси жила ее жизнью, полной неуверенности и страха, хотя порой она задавалась вопросом, будет ли для них вообще когда-нибудь возможна нормальная человеческая жизнь.

– Кимми хочет, чтобы мы сегодня пришли к ним на ужин, – радостно сообщила Лекси, вприпрыжку следуя за Дженной. Лекси – настоящий сгусток энергии. Она никогда не ходит. Она либо бежит, либо прыгает. И никогда не может спокойно устоять на одном месте. Но благодаря такой активности дочери Дженна начинала чувствовать себя гораздо лучше.

На протяжении первых дней их панического бегства через всю страну Лекси замкнулась в себе. И вот теперь Дженна радовалась, что девочка наконец вышла из этого тягостного состояния, хотя одновременно с энергией к ней вернулось и характерное для нее прежде капризное упрямство.

– Они оставят для нас места. Ты не против? – добавила Лекси, бросив на нее вопросительный взгляд так, словно ожидала, что Дженна откажется, и в этом вряд ли ошибалась.

Кимми была очередная лучшая подруга Лекси, и, хотя Дженна и раньше встречала мать Кимми, Робин Купер, их знакомство свелось лишь к паре слов, которыми они обменялись у ворот школы. Дженна прекрасно понимала, что ужин с семейством Кимми будет сопровождаться массой вопросов. Ей оставалось только надеяться, что их с Лекси ответы будут звучать убедительно.

– Ладно, – без особого энтузиазма согласилась Дженна. – Только ты должна будешь строго выполнять все наши правила. Договорились?

– Да, конечно, – пробурчала Лекси, – но...

– Но что? – переспросила Дженна. – Ты же понимаешь, что не может быть никаких исключений, Лекс.

– А ты не думаешь, что папа скучает без меня? Ты не думаешь, что ему сейчас одиноко?

Услышав слова Лекси, Дженна резко остановилась. Она притянула Лекси к себе, присела на корточки и заглянула ей в глаза.

– Твой папа болен, милая. И ему нужно сейчас побыть одному, чтобы поправиться. Поэтому мы не можем ни звонить ему, ни сообщать, где мы находимся. Очень важно, чтобы ты это помнила, чтобы... чтобы ты продолжала играть в нашу с тобой игру.

Девочка надула губы и нахмурилась.

– Но...

– Не может быть никаких «но»! – оборвала ее Дженна. – И никаких исключений.

– А что, если ему нужна я, чтобы он поправился?

– Я понимаю, ты хочешь ему помочь, но твой отец должен справиться самостоятельно.

– А если тот бандит причинит какой-нибудь вред папе?

Дженна глубоко вздохнула. Она не знала, что Лекси помнит о днях, предшествовавших их бегству, и насколько ее воспоминания соответствуют действительности. Казалось, в голове у Лекси реальные эпизоды перепутались с какими-то фантазиями. Дженна могла только предполагать, что подобное поведение вполне естественно для ребенка ее возраста, но точных выводов она сделать, конечно, не могла. Дженна понимала, что Лекси нужно отвести к психологу, но в данный момент пойти на такой риск она не могла.

– С твоим папой все будет в порядке, – заверила она дочь, – но ты должна мне пообещать, что будешь отвечать на все вопросы так, как мы договорились. Это очень важно.

Лекси медленно кивнула. Бунтарский огонек в ее глазах погас.

– Но как ты думаешь, папа на самом деле скучает по мне?

– Уверена, что скучает, – ответила Дженна, не зная, правильно ли она поступает, поддерживая в девочке надежду.

Лекси снова улыбнулась.

– Я тоже уверена. Посмотри, вот и Кимми! – Лекси показала в сторону Кимми с матерью, которые входили в магазин лоскутных одеял, и потянула Дженну за руку. – Пойдем. Я не хочу опаздывать в первый день занятий.

Вечером накануне Дженна наконец уступила нескончаемым мольбам Лекси и согласилась отвести ее на занятия детского кружка по изготовлению лоскутных одеял. Буквально с первых дней их пребывания в Бухте Ангелов они поняли, что, хотя рыболовство и туризм занимали значительное место в экономике городка, «душой» городка было производство лоскутных одеял.

И так как это ремесло было первым, к чему Лекси проявила хоть какой-то интерес после их приезда в Бухту Ангелов, Дженне очень не хотелось ей отказывать. Лекси необходимо отвлечься от страшных воспоминаний, и новое увлекательное занятие должно помочь ей в этом.

Магазин лоскутных одеял располагался в большом специально оборудованном строении на Океанском бульваре. Каждый понедельник, вечером, десятки женщин собирались на верхнем его этаже, чтобы поучаствовать в совместном изготовлении одеял. Помимо того, что одеяла в качестве подарка получали все невесты и новорожденные городка, их также продавали по всему миру. Бизнес этот по-настоящему процветал. Дженну тоже приглашали поучаствовать в занятиях для взрослых, но ей удалось отговориться, сославшись на загроуженность уроками музыки.

Ей до сих пор удавалось вообще ни разу не посетить это всеми обожаемое место. Дженна прекрасно понимала, что чем больше она будет входить в местное женское сообщество, тем на большее число вопросов ей придется отвечать и тем сложнее ей будет уравнивать ложь о своей жизни с правдой.

– Как ты думаешь, я смогу сделать сегодня одеяло для своей кровати? – спросила Лекси, когда они подошли к магазину.

– Мне кажется, чтобы научиться делать одеяла, тебе придется основательно и долго поработать. На это уйдет не один день.

Дженна не смогла удержаться и бросила взгляд через плечо, чтобы убедиться, что их никто не преследует, и при этом крепко сжала руку дочери.

– Ты делаешь мне больно, – пожаловалась Лекси.

– Извини, милая. – Дженна взглянула на дочку и увидела тревогу у нее в глазах.

– Все в порядке. Не бойся.

Она произнесла эти слова твердым решительным тоном, так, как если бы они предназначались не только для Лекси, но и для нее самой.

Она отпустила руку девочки и открыла дверь в магазин.

Первый его этаж был заполнен яркими разноцветными рулонами материи, каталогами с образцами продукции, обилием швейных машинок, разнообразных мотков ниток, материалов для аппликации и пялец. На стенах висели настоящие шедевры из числа лоскутных одеял, изготовленных в городе, а одно из них было даже помещено в специальный стенд под стекло.

Как и предполагала Дженна, магазин был полон женщин и детей. Некоторые из них что-то покупали, другие судачили за чашкой кофе, третьи, усевшись на удобные кушетки, вышивали. Много народа собралось на втором этаже, где в основном и шло производство лоскутных одеял, а также проводились учебные занятия для взрослых. В задней части магазина стояли два длинных стола, за которыми дети разбирали ткани, и там же они реализовывали свои первые проекты по изготовлению одеял.

Лекси увидела Кимми и сразу же бросилась к ней. Дженна последовала за дочкой и мгновенно поняла, что с первой минуты своего появления здесь она стала центром всеобщего внимания. Замечая знакомые лица, она улыбалась им натянутой улыбкой. Некоторых из этих мамаш она встречала, когда водила Лекси в школу, библиотеку и на спортивную площадку, но за все время со всеми ими она перебросилась не более чем парой слов. Дженна подозревала, что они считают ее либо чрезмерно высокомерной, либо болезненно застенчивой. Но, по правде говоря, она сохраняла дистанцию не потому, что боялась их вопросов, а просто потому, что не знала, о чем с ними говорить. Тот мир, в котором они с Лекси теперь оказались, так разительно отличался от мира, в котором они жили раньше.

– А вот и наша героиня! – воскликнула Кара Линч, миловидная дама лет тридцати с небольшим, ярко-рыжая, кареглазая и смешливая обладательница обворожительной улыбки.

Бабушка Кары, Фиона Мюррей, была владелицей магазина лоскутных одеял. Кроме того, Кара работала в местном агентстве недвижимости и помогла Дженне снять дом, поэтому Дженна была знакома с ней немного ближе, чем с другими здешними женщинами. Кара была замужем за полицейским по имени Колин Линч, и осенью у них должен родиться первенец. Рядом с Карой сидела блондинка с короткой диагональной стрижкой – Тереза Монро, супруга Роберта Монро, мэра Бухты Ангелов. На ней было шикарное черное платье, и выглядела она здесь столь же неуместно, что и Дженна.

– Привет! – сказала Дженна, обращаясь к ним обеим.

– Вы знакомы с Терезой? – спросила Кара.

– Кажется, официально нас не познакомили, – ответила Дженна и представилась: – Дженна Дэвис.

– Тереза Монро. Приятно познакомиться.

Тереза протянула руку, но ее взгляд оставался холодным и недружелюбным.

– Мой муж говорил мне о невероятно героическом поступке, который вы совершили вчера вечером. Мы все восхищены вашим мужеством.

– Ничего особенного, – ответила Дженна, чувствуя себя крайне неудобно под любопытными взглядами присутствующих дам.

– Я просто не могу поверить, что вы вот так взяли и прыгнули в холодную воду, – заметила Кара. – И вы не побоялись?

– Все решило буквально одно мгновение. У меня не было времени на раздумья. Кстати, вам ничего не известно о том, как чувствует себя та девушка?

Мысли о ней целый день преследовали Дженну.

– Колин говорит, что она, кажется, в полном порядке, – ответила Кара. – Она ведь беременна.

– Я... я не знала... – растерянно пробормотала изумленная Дженна. – Она показалась мне такой юной.

– Тем не менее, полагаю, она достаточно взрослая, чтобы забеременеть. Но сейчас все задаются главным вопросом – кто же отец будущего ребенка? – Кара перевела взгляд с Дженны на Терезу.

– Наверное, какой-нибудь мальчишка, – пробормотала Тереза.

– Утверждать наверняка невозможно, – возразила Кара. – Им может быть кто угодно из жителей города. Даже кто-то из женатых мужчин.

– У меня нет ни времени, ни желания сплетничать на подобные темы, – заметила Тереза. – Простите, но я должна идти. Я зашла сюда, чтобы купить ниток для матери. Было очень приятно с вами познакомиться, Дженна. Надеюсь скоро с вами увидеться снова.

– Да-а-а... – протянула Кара, как только Тереза ушла, – очень интересно.

– Что?

– Она сказала, что пришла за нитками, но никаких ниток не купила. Подозреваю, что Тереза приходила за новостями.

Кара быстро оглянулась, словно для того, чтобы убедиться, что ее никто не подслушивает. Все женщины в магазине оживленно перешептывались.

– Девушка, которую вы спасли, работает в конторе у Майры, – продолжала Кара. – Они занимаются уборкой. Убирают во всех больших домах у нас в городе, включая и дом мэра. Ходит слух, что некоторые жены очень обеспокоены тем, что девушки-уборщицы предоставляют и некоторые другие услуги. Думаю, вы меня поняли.

– О... – Дженна даже не знала, как реагировать на слова своей собеседницы.

В детстве и юности у Дженны было совсем немного подруг, и у нее не выработалась привычка делиться новостями и сплетнями. И хотя в данный момент она была не объектом, а всего лишь участницей пересудов, ей все равно стало не по себе.

– Муж Терезы, мэр, – большой охотник поволочиться за девушками. Ну, конечно, и сам красавчик. Я не хочу ни на что намекать, но уж очень подозрительно, что Тереза так поспешно ушла, как только разговор зашел о той девушке.

– Мэру уже за сорок. Девушка всего лишь подросток, – запротестовала Дженна.

– И что из этого следует? – Бровь Кары насмешливо приподнялась.

Дженна тяжело вздохнула.

– Да, конечно...

– Слава богу, что мы с Колином не можем позволить себе приглашать уборщиц на дом, – заметила Кара с усмешкой.

Положив руку на округлившийся живот, она добавила:

– Ребенок сегодня устроил настоящий бунт.

– Когда вам рожать?

– В сентябре. Надеюсь, что будет девочка, – сообщила Кара с виноватой улыбкой. – Конечно, самое главное, чтобы ребенок родился здоровым. Но мне всегда хотелось иметь дочку. Я просто не знаю, что буду делать с мальчиком.

– Но ведь пол ребенка можно узнать заранее.

– Колин против. Он хочет, чтобы ребенок стал для нас сюрпризом. Я возразила, что можно устроить себе сюрприз и сейчас, но он ведь такой упрямый ирландец. Если уж решил что-то, то никакая сила не заставит его передумать. Но он прекрасный человек, и из него выйдет превосходный отец. Я ведь забеременела только через четыре с половиной года после свадьбы. Я уже начала отчаиваться. Для меня этот ребенок – настоящий дар Божий. Ой, извините, заболталась, но я так счастлива. Я готова прыгать от радости.

Дженна улыбнулась. Не улыбнуться было невозможно. В глазах у Кары было столько счастья, что оно заражало каждого, кто с ней заговаривал.

– Дженна, вам нужна моя помощь в чем-то? – спросила Кара, переводя разговор на другую тему. – Вы хотели бы записаться на обучение, приобрести какие-нибудь ткани, посмотреть наши новые швейные машинки? Я спрашиваю, потому что заменяю сейчас бабушку. Ей нужно было уйти, и она очень не любит заставлять посетителей ждать.

– Я просто привела Лекси на занятия. Самой мне ничего не нужно.

– Вам следует тоже начать заниматься у нас. Вы ведь хорошо играете на пианино, значит, у вас ловкие руки и изготовление лоскутных одеял вам понравится. У этого занятия огромное число достоинств: оно практично, увлекательно, снимает стрессы, развивает воображение. А ночи ведь у нас бывают холодные, особенно зимой, и тогда одеяла могут очень пригодиться.

– Я вообще не умею шить.

Кроме того, у Дженны не было времени на новые занятия.

– Научиться шить очень просто. Уж поверьте мне, если вы задержитесь в Бухте Ангелов надолго, вы никуда не денетесь от шитья. Изготовление одеял – наше главное занятие здесь. Основная часть нашей жизни, то, что отличает нас от всего остального мира. По крайней мере, так говорит моя бабушка. Она считает, что традиции, передаваемые от одного поколения к другому, позволяют нам не терять связей друг с другом в мире, который становится все более сложным и хаотичным. В этом я с ней полностью согласна.

– Я тоже. – Дженна лучше многих других знала, насколько непрочными бывают связи между людьми, как легко они рвутся и как внезапно приходит одиночество. – Вас научила шить бабушка?

– Да, причем еще до того, как я пошла в детский сад. Я часто вспоминаю, как совсем еще маленькой ходила с ней выбирать ткани, как она рассказывала мне историю нашего города и историю семейства Мюрреев, о многих поколениях женщин, занимавшихся изготовлением одеял. Мою маму оно не интересовало, но, когда она вышла замуж за мужчину из семьи Мюрреев, ей тоже пришлось заняться одеялами. Это семейная традиция, возникшая вместе с рождением нашего города. Вы уже знаете его историю?

– Немного. Но я не хотела бы отвлекать вас от работы.

Кара отмахнулась.

– Ко мне пока никто не подходит. Вы ведь слышали о кораблекрушении? Ну, в общем, когда выжившие добрались до берега, первым делом женщины взялись за шитье одеяла в знак памяти о погибших. Каждый из выживших принес по лоскуту, и в каждом из этих лоскутов – целая человеческая жизнь. Некоторые мужчины остались совсем одни, без жен и матерей. И тогда другие женщины стали расспрашивать их о жизни и подбирать ткань и рисунок в зависимости от рассказанной ими истории. – Кара кивком указала на стену. – И вот оно там, наше самое первое одеяло.

Дженна перевела взгляд на большой застекленный стенд у стены, потом поднялась и подошла к нему поближе, чтобы лучше рассмотреть. Дома у нее никогда не было лоскутных одеял, ее родители любили элегантность и изысканный стиль во всем, избегая пестроты. Цветовая гамма их дома была почти исключительно черно-белой. Последние остатки ярких цветов исчезли после гибели матери Дженны – отец старался убрать из своей жизни все, что напоминало ему о погибшей жене.

Дженна всегда рассматривала шитье лоскутных одеял как домашнее рукоделье, притом несложное. Такие одеяла, в ее представлении, делались из простых повторяющихся лоскутов: квадратов, треугольников, ромбов. Но одеяла, изготовлявшиеся в Бухте Ангелов, представляли собой сложное переплетение символов и не менее сложное сочетание тканей.

– В этом одеяле заключена целая история, – пояснила Кара. – Большинство лоскутов было изготовлено из одежды тех, кто пережил кораблекрушение, и тех, кто погиб, но чьи

тела волны выбросили на берег. Вот, например, этот белый квадратик в центре вырезан из детского чепчика.

– Детского чепчика? – повторила Дженна. – А я думала, что на корабле были только матросы и мужчины, золотоискатели из Сан-Франциско.

– Нет, там были целые семьи – женщины и дети. Говорят, что ребенка нашли на берегу на следующее утро после кораблекрушения. На нем было белое платьице и чепчик. Девочке было всего несколько недель. Она, вероятно, родилась накануне отплытия корабля из Сан-Франциско. Вначале все в городе ждали, что кто-нибудь предъявит на нее права, но вскоре стало ясно, что ее родители погибли, и девочку сделали дочерью города. Розалин Мюррей взяла ее к себе в семью и вырастила вместе со своими детьми. Ее называли Габриэллой в честь корабля.

– Розалин Мюррей и ваш предок, насколько я понимаю?

Кара кивнула.

– Да. Моя бабушка Фиона происходит из семьи потомков Шона Мюррея, одного из сыновей Розалин. Он был на год или два старше Габриэллы. Но ведь это было много десятилетий назад. Розалин Мюррей была одной из тех, кто организовал изготовление первого одеяла. Для города оно стало способом утешения и знаком памяти о погибших. Она поместила кусочек детского чепчика в центр одеяла, потому что младенец – символ нового начала, а чепчик служил напоминанием о погибших родителях.

– Узор лоскутов в этом одеяле напоминает крыло.

– Верно. Крыло ангела, – с улыбкой добавила Кара.

Дженна и сама должна была бы догадаться. По всей поверхности одеяла были разбросаны разнообразные намеки на очертания ангелов, но, когда она рассматривала контур большого крыла, какое-то туманное воспоминание тщетно попыталось пробиться на поверхность ее сознания. Она явно где-то раньше видела этот узор.

Дженна перевела взгляд на Лекси. На девочке были гольфы и теннисные туфли, но Дженна прекрасно помнила, что на левой ноге дочери есть родимое пятно точно такой же формы. Сердце Дженны учащенно забилося. Странное совпадение. Да, не более чем совпадение. Или все-таки?.. Внезапно события, которые привели их сюда, в Бухту Ангелов, приобрели некий особый смысл.

– Вы в порядке, Дженна? – спросила Кара.

– Что? – переспросила та, она даже не услышала вопрос.

– Вы вдруг так переменились в лице, как будто увидели призрак.

– Нет, со мной все в порядке, я просто неожиданно кое-что вспомнила.

Она вспомнила тот конверт из плотной бумаги, который вскрыла два месяца назад и в котором было описание пути в Бухту Ангелов и имя человека, готового помочь им перебраться туда. Она ни разу не задавалась вопросами об этом. Единственное, о чем она тогда думала, была безопасность Лекси, и Дженна была готова принять помощь от кого угодно.

– Говорят, что у того младенца, у Габриэллы, было родимое пятно в форме крыла ангела – знак того, что ее спасли ангелы, поцелуй ангела, – добавила Кара. – Но если вы надолго задержитесь в нашем городе, вы узнаете, что ангелам здесь приписываются многие странные и необъяснимые явления.

Она замолчала и задумчиво взглянула на Дженну.

– Некоторые считают, что вы тоже ангел, так как спасли вчера ту девушку.

Дженна рассмеялась.

– Ну, уж я-то определенно не ангел.

– Возможно, но вы совершили поистине героический поступок. Я бы никогда ни на что подобное не решилась. Я бы, конечно, позвонила по номеру 9-1-1, но в воду прыгать бы не стала.

– Но вы ведь беременны. Вам нужно в первую очередь думать о ребенке.

– А вы в первую очередь должны думать о дочери, не так ли?

– Я же говорила, я ни о чем не думала. Если бы у меня было время подумать, я, скорее всего, не стала бы прыгать. – Дженна немного помолчала. – Наверное, я лучше пойду. Мне нужно кое-что сделать до того, как закончится занятие Лекси.

Ею овладело непреодолимое желание как можно скорее вернуться домой и хорошенько разглядеть тот конверт. Возможно, в нем есть что-то такое, что она тогда в первый раз пропустила, что-то очень важное.

– До встречи! – крикнула ей вслед Кара.

Дженна помахала ей рукой, не скрывая своей спешки.

Однако на тротуаре дорогу ей преградил Рид Таннер. Он улыбнулся Дженне двусмысленной улыбкой и поднял руки.

– Я безоружен. Без фотоаппарата.

– Вы что, за мной следите?

Внезапно ее охватил страх. Уж не прикидывается ли Рид Таннер репортером? Что, если он детектив, которого нанял Брэд следить за ней? Создается впечатление, что этого человека гораздо больше интересует она сама, нежели та статья, которую он должен писать.

– Если бы я следил за вами, вы бы заметили меня по пути сюда. Ведь вы каждые пять минут оглядывались.

– И откуда же вам известно, что я оглядывалась, если вы за мной не следили?

Не исключено, что именно его взгляд она и чувствовала на себе, когда шла сюда.

– Я сходил с лодки Генри Милтона на берег, – объяснил Рид. – И мне был хорошо виден весь Океанский бульвар. Я заметил вас и вашу Лекси. Ну и куда же вы сейчас направляетесь?

– Никуда... я просто должна дожидаться окончания занятия у дочери.

Теперь она, конечно, не могла оставить Лекси одну в магазине, когда рядом находился этот подозрительный человек.

– Не желаете ли выпить чашечку кофе? Кафе «У Дины» – на противоположной стороне улицы.

Зайди Дженна в кафе, она сразу же бы стала объектом любопытных взглядов со всех сторон, не говоря уже о том, что меньше всего ей сейчас хочется беседовать с репортером.

– Нет, не хочу.

– Не хотите? Решительно говорите «нет»? – В уголках губ Рида затаилась улыбка. – Ух, какая вы!

– Послушайте, неужели вам до сих пор непонятно, что я не желаю с вами общаться? Почему вы никак не перестанете приставать ко мне со своими вопросами?

– И все-таки можно я вам задам еще один вопрос? Почему вы меня боитесь?

Его взгляд, казалось, пронзает ее.

Стал бы он задавать ей подобный вопрос, если бы работал на Брэда? Возможно, если бы не хотел, чтобы она знала, зачем он сюда приехал.

– Насколько я помню, мы с вами договорились о трех вопросах. Вы исчерпали свой лимит, – заметила Дженна.

– Давайте заключим новый договор.

От его пристального взгляда ее бросило в жар, и она в первый раз внимательно посмотрела на него. Довольно высокий, не меньше метра восьмидесяти, широкоплечий. Потертые джинсы, черный трикотажный свитер, рукава которого закатаны до локтей. На подбородке заметная щетина. Волнистые каштановые волосы спускаются до воротника. Нос слегка скошен в сторону, словно кто-то несколько раз хорошенько нокаутировал его. Загорелое лицо свидетельствовало о том, что Рид Таннер много времени проводит на солнце. Во всем его облике чувствовался наглый вызов, в изгибе губ – наплевательское отношение к тому, что о

нем могут подумать, но в глазах застыла какая-то застарелая боль. Кем бы он ни был, ему есть что скрывать, что совсем не удивило Дженну. В последнее время она стала замечать, что почти все, с кем она встречалась, что-то скрывают.

– Вы на самом деле репортер? – неожиданно спросила она.

– Почему вы задаете такой вопрос?

– Вы совсем не производите впечатление человека, который собирается писать статью об ангелах.

– Я всего лишь выполняю поручение своего журнала, – ответил Рид, пожав плечами. – И только ради денег.

– Вот как? Значит, вас совсем не интересует то, о чем вы пишете?

– Больше не интересует. – В его голосе прозвучала заметная горечь.

– Почему же?

– Это долгая история.

Ей неожиданно стало интересно, но... меньше всего ей сейчас надо вступать в какие-то отношения с этим человеком. Он может оставить свои секреты при себе, так же как и она свои.

– Мне нужно вернуться в магазин.

– Дженна, постойте!

Он крепко схватил ее за запястье.

Ее захлестнуло горячей волной, как будто от пожара, вспыхнувшего где-то поблизости. Дженна высвободила руку. Рид прищурился и пристально посмотрел на нее. Она поняла, что ее реакция была чрезмерной. Но в нем было что-то такое, от чего ей становилось не по себе, что вызывало в ней желание бежать от него без оглядки. Она явно боялась Рида, но это не был страх физического насилия, а нечто неуловимое, притягательное, в чем таилась также и опасность.

– Возможно, я смогу вам чем-то помочь, – заметил Рид, не сводя с нее глаз.

Дженна попыталась исправить ситуацию, понимая, что невольно выдала свое психологическое состояние.

– Мне не нужна ваша помощь.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Я не имею никакого отношения к статье, которую вы пишете, и я не та загадка, которую вы должны разгадать.

– Я постоянно говорю себе то же самое, но всякий раз понимаю, что вы меня чрезвычайно интригуете.

Нервная дрожь пробежала по телу Дженны. Она уже очень давно не вызывала подобных чувств у мужчин и теперь не знала, как справиться с создавшейся ситуацией.

– Я должна идти.

Она повернулась и протянула руку к двери магазина.

– Дженна! – снова позвал ее Рид.

– Что?

– Если бы вы на самом деле хотели, чтобы о вас никто ничего не знал, вам бы не следовало прыгать в воды залива, чтобы спасти ту девушку. Это была большая ошибка с вашей стороны.

– Знаю, – прошептала она. – Но у меня не было выбора.

Дженна вошла в магазин, чувствуя, как гулко стучит ее сердце.

Рид Таннер слишком многое замечает. Он умен, наблюдателен... сексуален... О, господи! Еще этого ей не хватало – увлечься совершенно незнакомым мужчиной. Он может быть опасен для нее с самых разных точек зрения. Дженна выглянула в окно, чтобы узнать,

что он собирается делать дальше. Войдет в магазин следом за ней? Или будет ждать, когда она выйдет? Неужели она все-таки преувеличивает его интерес к ней?

Рид повернулся к ней спиной. Достал телефон, набрал номер и ушел. С кем он разговаривает? Может быть, с Брэдом? От сильного сердцебиения ей стало дурно. Ей не хотелось верить, что Рид может подставить ее, но она ведь ничего о нем не знает. И его последнее замечание о том, что она совершила ошибку... Не пытался ли он таким способом намекнуть ей на что-то?

Ей необходимо убедиться, что он на самом деле тот, за кого себя выдает. Если он действительно работает на журнал «Спотлайт», кто-то обязательно сможет это подтвердить.

Занятия у Лекси еще не закончились, и Дженна вновь выскользнула из магазина на улицу. Рида там уже не было. Она перешла на другую сторону улицы, остановилась возле газетного киоска и стала просматривать расставленные там журналы. В течение последних нескольких месяцев ее до такой степени занимали собственные проблемы, что она практически перестала обращать внимание на события в мире.

«Спотлайт» она нашла на второй полке. Это был обычный гляцевый журнал с броскими заголовками статей. На его страницах сообщались последние новости о кинозвездах и прочих знаменитостях, об их детях, разводах, любовных интрижках и скандалах. В нем публиковались материалы об НЛО в Нью-Мексико, забеременевшем мужчине из Огайо, о какой-то ясновидящей, утверждавшей, что ей известно, где закопаны двадцать три трупа. Рид Таннер – разумный и проникательный человек и, по-видимому, неплохой журналист. Как же он может работать на такое позорное «желтое» издание? «Спотлайт» явно не вязался с обликом Рида.

Дженна открыла первую страницу и провела пальцем по списку состава редакции. Имя Рида Таннера там отсутствовало.

Она пролистала журнал, но в нем не было ни одной статьи, подписанной именем Таннер. Она заплатила за журнал и перешла улицу. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что за ней никто не наблюдает, Дженна вытащила телефон и набрала номер редакции журнала.

Когда ей ответили, она попросила пригласить к телефону Рида Таннера. Женщина, ответившая ей, замялась, потом попросила подождать минутку.

Спустя некоторое время она снова взяла трубку и сказала:

– Очень жаль, но мне неизвестно, где находится мистер Таннер. Вероятно, он один из наших внештатных корреспондентов. Если хотите, я могу попросить кого-нибудь из наших редакторов перезвонить вам.

– Не нужно, спасибо.

Когда Дженна выключила телефон, ее рука дрожала. Действительно ли Рид внештатный корреспондент «Спотлайта»? Или он приехал в Бухту Ангелов по каким-то другим причинам, которые как-то связаны с ней? Но даже если он не работает на Брэда, его любопытство может быть крайне опасным. Если он начнет задавать вопросы всем подряд или если он, упаси боже, начнет наводить справки о ней в полиции, она окажется в серьезной опасности.

5

Джо Сильвейра откинулся на спинку кресла, пружины которого жалобно заскрипели под тяжестью его тела. Управление полиции Бухты Ангелов располагалось в двухэтажном здании, построенном лет сто назад. Очарования старины в нем было больше, чем современных удобств, но Сильвейра любил историю, ему нравилось сидеть в кресле, которое до него занимала череда прежних начальников местной полиции. Одна из причин, заставивших его переехать в этот маленький городок, заключалась в том, что ему хотелось чувствовать живую связь с людьми, для которых он работает. К сожалению, в данный момент проблемы личной жизни начинали оттеснять в мыслях Сильвейры заботы о благополучии городка, сделавшегося его нынешним пристанищем.

Посмотрев на часы, он прижал к уху телефон, в котором слышался голос его жены. Она пересказывала ему подробности последней покупки недвижимости. Лучше всего Рейчел умела говорить. Он понял это с самого первого мгновения их знакомства в выпускном классе школы. Джо влюбился в нее раньше, чем узнал ее фамилию. Она обладала всем тем, что он мечтал видеть в женщине: иссиня-черными волосами, великолепной кожей, ослепительной улыбкой, не только красивой, но доброй и сострадательной. Она жила в двухэтажном доме с креслом-качалкой на обширной веранде.

Отец Рейчел был известным преуспевающим врачом, мать – домохозяйкой, занимавшейся организацией различных фондов. В общем, жизнь Рейчел совсем не походила на его жизнь.

Наполовину мексиканец, наполовину ирландец, Джо вырос в беспокойных пролетарских кварталах Лос-Анджелеса в рабочей семье, в которой, кроме него, было еще пятеро детей. Его мать работала официанткой, отец – менеджером в супермаркете.

Они хотели, чтобы Джо поступил в университет, со временем стал адвокатом, врачом или инженером. И он послушно попытался реализовать родительские мечты. Получив диплом по политологии, Джо поступил на юридический факультет, но его самым сокровенным желанием с детских лет было работать в полиции. Именно из-за этого у них с Рейчел и произошла первая размолвка. Она была страшно расстроена, когда он бросил юридический факультет. Рейчел уже тогда воображала, что когда-нибудь они будут жить с ним в таком же доме, в каком она провела детство. Но понемногу она смирилась и поддержала Джо, когда он решил поступить в полицейскую академию.

С течением времени многое в их отношениях изменилось. Джо подолгу работал, что стало сказываться и на их семейной жизни. У Рейчел появились планы, в которые он не вписывался. Появились друзья, с которыми он не был знаком. Она проводила много времени в теннисном клубе у своих родителей, и ее гораздо больше интересовали собственные успехи в теннисе, чем совместная жизнь с Джо. Вопрос о ребенке даже не поднимался.

Когда пришло время обзавестись собственным домом, Джо хотел приобрести небольшой коттедж, который они вполне могли себе позволить. Тем не менее Рейчел удалось уговорить его принять в качестве подарка от ее родителей просторный дом неподалеку от теннисного клуба.

До сих пор Джо не мог понять, почему это приобретение было ему до такой степени неприятно. Ведь оно было таким невероятно щедрым даром со стороны родителей Рейчел, которых Джо обожал и которые с распростертыми объятиями приняли его. Но что-то с этим домом было не так, и все его многочисленные комнаты казались теперь Джо дополнительным пространством, отделявшим его от Рейчел. Дистанция между ними достигла критической точки, когда он решил поменять работу, переехав дальше по побережью. Теперь его от дома жены, от их друзей, от ее родителей отделяло несколько часов езды.

– Джо, ты меня слушаешь? – Рейчел резким вопросом прервала поток его мыслей. – Ты разучился меня слушать.

Может быть, это объяснялось очень просто: то, что она говорила ему, безумно наскучило. Но, конечно, вести себя так по отношению к ней было несправедливо. Ей, вероятно, были столь же неинтересны его рассказы о службе в полиции. На самом деле все было, конечно, не совсем так. Чаще всего Рейчел жаловалась, что он так мало делится с ней своими профессиональными проблемами. Она не желала понимать, что в общении с ней он должен был забывать о своих профессиональных проблемах, иначе просто бы не выжил.

– Джо! – повторила она с раздражением в голосе.

– Извини, – поспешно отозвался он. – Я немного отвлекся.

– Да, я так и поняла.

– Мне здесь предстоит очень тяжелый уик-энд. У нас тут толпы туристов, съехавшихся на праздник города, не говоря уже о безумных искателях ангелов, разбивших лагерь на скалах. Прошлой ночью у нас на пирсе была попытка самоубийства.

Рейчел тяжело вздохнула.

– Господи! Зеваки туристы, искатели ангелов и утопленник – настоящий эпицентр бурной полицейской деятельности.

И откуда взялся этот сарказм?

Сделав вид, что он не заметил его, Джо спросил:

– Когда ты приедешь ко мне?

Ответом на его вопрос была гробовая тишина. Он все понял до того, как услышал ее слова.

Как только три года тому назад Рейчел получила лицензию на торговлю недвижимостью, ее стала занимать исключительно карьера и очередная намечавшаяся сделка.

– В этот уик-энд у меня ничего не получится, Джо. В воскресенье мне придется заняться продажей одного дома.

– Рейчел, ты ведь обещала, что будешь потихоньку завершать свои дела в Лос-Анджелесе. Мы должны быть вместе.

– Я понимаю, но здесь такая насыщенная деловая жизнь. И в данный момент я зарабатываю очень много денег... наших денег, денег на наше с тобой будущее. Я ведь зарабатываю гораздо больше, чем ты. Намного лучше будет, если ты бросишь свою работу там и вернешься домой в Лос-Анджелес. Я тут на днях видела Митчелла. Он сказал, что в лос-анджелесском управлении с радостью возьмут тебя обратно.

– Но я вовсе не к этому стремлюсь, и мой дом... *наш* дом – здесь.

– Тебе не приходит в голову, что я хочу, чтобы ты вернулся сюда ко мне? – спросила Рейчел.

– А я хочу, чтобы ты приехала сюда ко мне, – парировал Джо. – Бухта Ангелов – прелестный городок с чудесными жителями, а вдоль побережья столько недвижимости, что торговать ею можно сотни лет.

– Ты растрачиваешь там себя задаром, Джо. Ты слишком хорош, слишком талантлив для такого захолустья. Я понимаю, что тебе нужно было отдохнуть, и, возможно, ты прав, возвращение в управление не самая лучшая идея. Но ведь есть же места и поближе, чем Бухта Ангелов.

– Дело совсем не в отдыхе. Я здесь работаю, и я хочу здесь работать и впредь.

Он понял это в то мгновение, когда в первый раз вошел в крошечный домик с двумя спальнями, который дядя Карлос оставил ему в наследство. Впервые в жизни он ощутил некую духовную связь с тем местом, в котором находился. Бесчисленное множество раз Джо пытался все объяснить Рейчел, но она так, кажется, ничего и не поняла. Она просто не могла представить, как разумный человек может по собственной воле поселиться в отдаленном

захолустье на расстоянии многих миль от тех мест, к которым привык и в которых живут его близкие.

– Это ты сейчас так говоришь, – возразила Рейчел. – Но ведь все может измениться. Я тебя хорошо знаю, Джо. Ты ищешь острых ощущений, риска, опасности. И тебе никогда не удастся подавить эту часть своего «я», как бы ты ни старался. Тебе когда-нибудь обязательно захочется большего.

– Я понимаю, что слишком многого от тебя требую, но мне кажется, что если бы ты просто попробовала пожить в Бухте Ангелов, то тебе бы здесь очень понравилось. Здесь ведь очень красиво. И люди замечательные – как раз такие, среди которых очень хорошо жить крепкой дружной семьей. У нас тоже может получиться.

– Я очень хочу, чтобы у нас получилось, – сказала Рейчел, чей голос заметно смягчился. – Поверь мне. Я просто не знаю, как это сделать сейчас.

– Я тоже, – сознался Джо. – Но одно я знаю твердо – у нас ничего не получится, если мы будем жить отдельно. Мне бы очень хотелось, чтобы ты приехала сюда хотя бы на неполный уик-энд. Многие люди здесь о тебе спрашивают. Они хотят с тобой познакомиться. Я уже получил десяток приглашений на обед, которые мне пришлось отклонить. Если ты все-таки выкроишь немного времени и приедешь, я уверен, тебе понравится.

– Хорошо, я постараюсь. Но сейчас я должна идти. Поговорим позже. Пока!

Джо услышал звук отключения телефона до того, как успел попрощаться и признаться ей, как сильно он ее любит. Мгновений, когда он говорил ей эти слова, становилось все меньше с тех пор, как он переехал в Бухту Ангелов. Рейчел провела в их доме с великолепным видом на океан в общей сложности не более полудюжины ночей. Ему, конечно, рано или поздно придется понять, что кто-то из них должен уступить. И, скорее всего, уступить вынужден будет он.

Раздался осторожный стук в дверь, и Джо повернул голову.

– Войдите, – сказал он.

Джо был удивлен, увидев Шарлотту Адамс. И немного взволнован... Он находил молодую акушерку, обладательницу золотистых волос, очаровывающих светло-голубых глаз и оливковой кожи, ужасно привлекательной.

Однако Джо надеялся, что в этом чувстве нет ничего серьезного и что оно очень скоро пройдет само собой.

И, конечно, он не собирался ничего предпринимать, ведь у него имеется законная жена – Рейчел. Несмотря на все проблемы, возникавшие в их семейной жизни, он не намерен с ней расставаться.

– Извините, что я вас побеспокоила, – начала Шарлотта, – но я очень тревожусь за Энни. У вас есть какая-нибудь информация о ее семье?

– Садитесь, пожалуйста. – Джо махнул рукой в сторону кресла у стола и взял факс, который получил за несколько минут до того.

– Отец Энни – Карл Дюпон. В прошлом служил в ВМС. Дважды был в Афганистане, там потерял половину кисти руки и в настоящее время пребывает на инвалидности.

– Ужасно, – прокомментировала Шарлотта, и в глазах ее появилось искреннее сочувствие.

– Я собирался проехать в горы, чтобы побеседовать с ним. У меня есть его новый адрес – тот, на который ему приходит пенсия по инвалидности.

– Я бы хотела поехать вместе с вами, – призналась Шарлотта.

Джо удивила ее просьба.

– Думаю, это будет не очень разумно.

Шарлотта резко выпрямилась в кресле, и Джо заметил, как изменилось выражение ее глаз – оно сделалось упрямым и целеустремленным.

– Меня очень беспокоит состояние моей пациентки и ее будущее, – жестким тоном произнесла она.

– Но это – дело полиции, доктор Адамс.

– Это и мое дело как ее лечащего врача. Я хотела бы познакомиться с условиями ее жизни, узнать, насколько они подходят для нее самой и для ее будущего ребенка, да и вообще, сможет ли она возвратиться туда.

– Она сама будет решать, и вы не имеете права вмешиваться. Энни восемнадцать лет. Она может и не возвращаться к родителям, если не захочет.

– Но она беременна, и ее заработка едва хватает на еду. Кроме того, неизвестно, будут ли ее держать на работе после попытки самоубийства и после того, как факт беременности станет всем известен. В любом случае ей понадобится помощь. Возможно, у нее не будет никакой другой альтернативы, как только вернуться домой.

– Вас всегда так беспокоят судьбы ваших пациентов? – спросил Сильвейра.

– Юридически Энни, наверное, может считаться взрослой, но психологически она еще подросток, страшно напуганный чем-то или кем-то. До такой степени, что она попыталась совершить самоубийство и убить своего еще не родившегося ребенка. И чем больше я буду знать об обстановке в ее семье, тем больше смогу ей помочь.

– Но вы не ответили на мой вопрос.

Шарлотта вздохнула.

– Нет, не всегда, но Энни ведь очень отличается от обычных пациентов.

– Каким же образом?

Шарлотта замялась, затем, пожав плечами, ответила:

– Ее случай кое о чем напоминает мне в моей собственной жизни. Так что, могу я поехать с вами к ее родителям?

Джо понимал, что в этой идее нет ничего хорошего по целому ряду причин, но как-то незаметно для себя произнес «Да» и, увидев улыбку Шарлотты, почувствовал, что даст тот же ответ на любую ее просьбу. Постаравшись выбросить подобные мысли из головы, он поднялся с кресла и жестом пригласил ее следовать за ним.

– Поехали. Нам нужно вернуться до начала праздника.

Шарлотта последовала за ним к автомобилю. Она пристегивала ремень безопасности, пока он заводил машину, стараясь подавить волнение от слишком близкого ее присутствия. Джо откашлялся и сделал усилие над собой. Это чисто профессиональная поездка, в ней нет ничего личного.

– Спасибо за понимание, – сказала Шарлотта. – Я знаю, что вы нарушаете правила.

– Мне просто понравилось ваше отношение к пациентам, – нарочито сухо ответил Джо, выезжая со стоянки.

Несколько минут они ехали молча. Ему хотелось задать ей массу вопросов, но каждый из них мог завести на опасную тропинку дальнейшего сближения.

– Знаете, я ведь до сих пор не знакома с вашей женой, – заметила Шарлотта, первой нарушив молчание.

Джо изо всех сил сжал руль.

– Рейчел приходится много ездить. Она завершает свои дела в Лос-Анджелесе.

– Вы, должно быть, скучаете по ней.

– Скучаю, – быстро и слишком эмоционально ответил он.

– Сколько времени вы женаты?

– Девять лет, но мы вместе с тех пор, как нам было пятнадцать.

– Школьная любовь? Потрясающе! Вы, наверное, так хорошо знаете друг друга.

– Раньше я действительно так думал. – Сказав это, он сразу же пожалел о своих словах. – Уверен, вы скоро с ней познакомитесь.

Помолчав, Джо спросил:

– А у вас как обстоят семейные дела?

– Я не замужем. Я уехала отсюда, когда мне исполнилось восемнадцать. Поступила в колледж, затем на медицинский факультет, потом была интернатура. Неожиданно я поняла, что не была дома уже тринадцать лет, если не считать нескольких уик-эндов. – Шарлотта перевела дыхание. – И вот я вернулась. Здесь теперь мне все кажется одновременно и знакомым, и незнакомым.

– Насколько я знаю, ваш отец был местным священником. Больше тридцати лет?

– Тридцать четыре года. Он умер в феврале.

– Да. Я слышал. Мне очень жаль.

– Благодарю вас.

– Поэтому вы и вернулись?

– Да, хотя мне следовало бы сделать это раньше. Я планировала приехать на следующий уик-энд, а ему стало хуже. Он умер до моего возвращения. – Шарлотта отвела взгляд. – Мы так и не поговорили в последний раз, не попрощались, но, может быть, так даже к лучшему. Кое-что лучше оставить невысказанным.

Джо было интересно, что она имеет в виду, но он решил не спрашивать.

– Уверен, ваша мама очень рада тому, что вы наконец вернулись.

На губах Шарлотты появилась горькая улыбка.

– Не думаю. Из своих детей меня она любит меньше всех, но, к несчастью для нее, я единственная, кто может быть с ней. Моя старшая сестра Дорин с мужем недавно переехали в Сан-Франциско, а младший брат Джейми сейчас в армии в Ираке, поэтому рядом с ней могу быть только я.

– Я не представляю, как вас можно не любить.

Шарлотта улыбнулась.

– Очень приятно, что вы так высоко меня цените, но вы ведь меня совсем не знаете.

– Я знаю, что вы хороший врач и притом очень заботливый. Уверен, ваша мать должна гордиться вами.

– Возможно... но у нас с ней сложные отношения.

Минуту Шарлотта помолчала.

– Мои родители всегда очень многого от нас ожидали. Отец был духовным наставником для большого числа людей. Мать была для него не просто женой, она была его соратницей, во всем поддерживала его и помогала ему и приходу. Я была дочерью пастора, и предполагалось, что я должна быть абсолютно безупречной, примером во всем, но в подростковом возрасте я совершила несколько необдуманных поступков. Я подвела мать. Думаю, что она мне этого никогда не простила.

– Разве ваш отец не проповедовал прощение?

– Отец – да, но не мать. – Шарлотта нервно разгладила складку на юбке. – И с отцом я была не особенно близка. Между нами всегда стояла мать. Она не принадлежала к числу тех матерей, которые говорят: «Подожди, пока отец вернется домой». Она во всем его защищала, от всего оберегала. Все проблемы решала она. Она хотела, чтобы в центре его внимания всегда были только она сама и церковь. Именно в такой последовательности, хотя на людях она постоянно делала вид, будто все наоборот. Она безумно любила его, но эта безумная любовь стала причиной таких ее поступков, которые оказались...

– Непростительными? – подсказал Джо.

Шарлотта искоса взглянула на него.

– Вы что-то слышали?

– Что вы имеете в виду?

Несколько мгновений она пристально всматривалась в него.

– Ничего. Как бы то ни было, все осталось в прошлом. Теперь я живу здесь, но не знаю, выдержу ли. Иногда мне кажется, что мать была бы страшно рада, если бы я уехала. Но сестра постоянно убеждает меня, что матери кто-то нужен рядом, что она на самом деле не такая уж и сильная, какой пытается выглядеть, и не только потому, что недавно потеряла мужа, но и потому, что ее любимый сын находится в зоне боевых действий. И я подозреваю, что, говоря «кто-то», сестра имеет в виду меня.

Джо почему-то стало неприятно от мысли, что Шарлотта может уехать. Ему нравилось видеть ее в городе, встречаться с ней в кафе Дины, где она ела пирожные, замечать, как она покупает газеты в киоске или бежит по берегу залива перед самым закатом. Джо неожиданно понял, что часто взглядом ищет ее на улицах города. Это надо прекращать, решил он.

– Значит, вы не собираетесь оставаться здесь навсегда? – спросил он как бы между прочим. – Жаль. Городу нужны хорошие врачи.

– Ну... посмотрим. Сейчас я просто живу и не строю никаких планов насчет будущих путей в жизни. И, кстати, относительно путей и дорог... – Она схватилась за подлокотник, так как автомобиль подбросило на большом ухабе. – Мы все еще едем по дороге?

– Теоретически да. – Джо сбавил скорость после того, как они наскочили на очередную рытвину. Асфальтированная муниципальная дорога закончилась примерно милю назад. Джо сделал вывод, что они приближаются к владениям Дюпонов, по увеличившемуся количеству знаков у дороги, среди которых были: «Проезд запрещен! Частная собственность», «Осторожно! Злая собака». Интуиция подсказывала Сильвейре, что Дюпон вряд ли встретит их с распростертыми объятиями и бокалом лимонада.

– Мне не следовало привозить вас сюда, – пробормотал он.

– Уверена, все будет хорошо. Вы начальник местной полиции. Что он может нам сделать?

Джо мог бы вспомнить множество случаев, когда людям из-за стресса, психического заболевания или крайнего озлобления было глубоко наплевать на его форму и звание.

– Мы ведь хотим просто поговорить с ним, – как будто пытаюсь успокоить саму себя, добавила Шарлотта.

– Черт! – воскликнул Джо, нажимая на тормоза при виде внезапно появившегося из-за деревьев человека в армейской форме и шлеме. В руках он держал винтовку, и дуло ее было направлено на их автомобиль.

– Не думаю, что он собирается с нами беседовать.

Джо остановил машину и нажал кнопку вызова диспетчера на радиии. Никакого сигнала – сейчас они были вне зоны связи.

– Оставайтесь в машине, Шарлотта.

Он открыл дверцу и медленно опустил ноги на землю, оставаясь под прикрытием двери.

– Мистер Дюпон, я начальник местной полиции Сильвейра. Опустите оружие. Я приехал побеседовать с вами о вашей дочери Энни.

– У меня нет дочери! – рявкнул в ответ человек в военной форме, но винтовку опустил. – Не забывай, что находишься в частном владении.

– Энни сейчас в больнице, – немного спокойнее продолжал Джо, увидев, что его собеседник опустил оружие. – Вчера вечером она попыталась покончить с собой. Хотела утопиться в заливе. Одна добрая самаритянка ее спасла. Ей очень повезло.

– Я же тебе сказал – у меня нет больше дочери!

Не успел Джо что-то произнести, как Шарлотта распахнула дверцу машины. Когда она вышла, мужчина снова поднял винтовку и на сей раз направил ее на Шарлотту. Сердце сжалось в груди у Джо. Какую же ошибку он совершил! Ему ни в коем случае нельзя было брать ее с собой!

– Мистер Дюпон, я лечащий врач Энни, – начала Шарлотта. – Я уверена, что вас должно беспокоить состояние вашей дочери.

– Моя дочь – шлюха. Что заслужила, то и получит. Она опозорила меня. Опозорила Господа нашего. А теперь убирайтесь с моей земли и никогда сюда больше не возвращайтесь!

– Садитесь в машину, Шарлотта! – приказал Джо. – А вы, мистер Дюпон, опустите оружие, если не хотите, чтобы я вас арестовал.

Дюпон опустил винтовку. В нем, по-видимому, сохранилось достаточно здравого смысла, чтобы не идти на открытый конфликт с властями.

Шарлотта села в машину и захлопнула дверцу. Джо последовал ее примеру. Он включил зажигание и дал задний ход, проехав по узкой дорожке до того места, где можно было развернуться. Спускаясь с горы, он бросил взгляд в зеркало заднего вида. Карл Дюпон внимательно наблюдал за ними. Наверное, он так и будет стоять, пока не убедится, что они действительно уехали.

– Вам не следовало выходить из машины, – сказал Джо довольно резким тоном. По его вине Шарлотта подверглась серьезной опасности, и этого он не мог простить себе как профессионалу.

– Извините.

– Он же мог выстрелить в вас! – заметил Джо. – Вы что, всегда так импульсивны? Вы вообще-то думаете перед тем, как что-то сделать?

– Я уже извинилась, – пробормотала Шарлотта.

– Хорошо. Забудем. Это была моя вина. Мне не следовало брать вас с собой.

– Но ведь я хотела вам помочь, – возразила Шарлотта, – я не ожидала, что так получится. И я могу ответить на ваш вопрос. Да, вы правы: из-за своей импульсивности я часто попадаю в разные неприятные ситуации. Однако я пытаюсь работать над собой.

Он бросил взгляд в ее сторону и заметил на красивых губах Шарлотты виноватую улыбку. Она очень отличалась от всех тех врачей, с которыми ему приходилось работать раньше. Шарлотту по-настоящему заботила судьба ее пациентов.

Она была преисполнена такой решимости помочь девчонке, попавшей в беду, что могла, не задумываясь, подставить себя под дуло винтовки. В душе Джо раздражение смешивалось с искренним восхищением ею, но он не хотел, чтобы это заметила Шарлотта.

– Вам следует работать усерднее, – сказал он.

– Поняла. И что мы теперь будем делать? Энни не может вернуться домой. Даже если отец согласится ее принять, кто знает, какой ад он может ей там устроить.

– Она – совершеннолетняя, Шарлотта.

– И что из этого следует?

– То, что я ничего не могу сделать. Ей нужно пойти в социальные службы, узнать, какие программы помощи существуют для таких, как она. После восемнадцати лет ее отец имеет полное право не тратить на нее ни цента.

– Но он же сумасшедший. И притом вооружен. Он опасен. Ведь вы же должны как-то решить этот вопрос.

– Я, конечно, постараюсь разузнать подробности, выясню, есть ли у него разрешение на оружие, но арест мистера Дюпона ничем не поможет Энни.

– Да, вы правы, – согласилась Шарлотта, горестно вздохнув. – Мне так ее жаль. Может быть, у нее есть кто-нибудь еще из родственников, кто мог бы ей помочь.

– Вам нужно с ней побеседовать и выяснить это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.